

РУССКИЙ РАБОЧИЙ КЛАСС И ПОЛИЦЕЙСКИЕ
РОЗГИ.

День первого мая есть день международной рабочей демонстрации. В этот день рабочие всех стран выступают под одним знаменем — под красным знаменем международной социал-демократии. В этот день они наглядно показывают всем, имеющим очи, что боевой клич авторов Коммунистического Манифеста: «пролетарии всех стран, соединяйтесь!» не остался гласом вопиющего в пустыне. В этот день даже очень близорукие люди видят, что мыслящие пролетарии всех стран действительно соединились и что число немслящих, — тех темных тружеников, которые еще не пробудились к сознательной социально-политической жизни, — будет уменьшаться именно в той мере, в какой сознательные рабочие будут продолжать влиять на бессознательных. День первого мая показывает нам, что уже сделано в рабочей среде, и призывает нас с новой энергией продолжать действовать в ней, если только наша цель для нас не пустое слово и если мы не забыли, что освобождение рабочих может быть лишь делом самих рабочих.

В этот великий день господствующие классы всех стран чувствуют себя очень нехорошо: он напоминает им о приближающейся социальной революции. И вот почему их газеты злобно издеваются над демонстрантами, а их охранители «порядка» — полицейские всех ведомств и всяких наименований — придираются к рабочим гораздо усерднее, чем в обыкновенное время. *A la guerre comme à la guerre* (на войне — по-военному). Но война имеет свои законы. Законы этой войны, которая называется борьбой классов, определяются — по крайней мере тогда, когда дело еще не дошло до окончательной развязки — политическим устройством тех стран, где она происходит. В конституционных странах, пользующихся благами политической свободы, рабочий класс имеет право печатно защищаться от нападок враждебной ему печати, а полиция сдерживает свое охранительное рвение в виду того, что и на нее есть законная управа. Не то у нас в России. Рабочий класс лишен у нас всякой законной возможности открыто обсуждать и защищать свои интересы, полиция же наша прекрасно знает, что воля начальства есть для нее высший закон, и что нет такого бесчинства, за которое ее могли бы притянуть к ответственности, если только это бесчинство совершено ею по приказанию свыше.

Самодержавие главы государства на практике равносильно самодержавию администрации, это старая истина. Но и эта истина имеет свои оттенки. Еще

Герцен¹ заметил, что абсолютизм существовал когда-то и на Западе, однако на Западе никому в голову не пришло высечь Спинозу² или отдать Лессинга³ в солдаты, в России же непременно сделали бы и то и другое. До какой степени справедливо это замечание, показывает вся история русской литературы, а еще лучше показывают это события последних лет. Отдача в солдаты целых сотен студентов представляет собой факт, небывалый в истории западно-европейских университетов, а слух о сечении участников майской демонстрации кажется тенденциозной ложью даже тем из людей Запада, которые хорошо помнят подвиги западно-европейского абсолютизма.

Унизительные истязания, которым подверглись наши товарищи не только в Вильне, но и в некоторых других городах, чрезвычайно ярко характеризуют отношение царизма к рабочему движению. Царизм, основывающийся на полном бесправии подданных, предполагает, как свое неперемное условие, их совершенное безличие и их полную бессознательность. Майская демонстрация — дело сознательных рабочих — громче, чем все другие демонстрации, свидетельствует о том, что в русскую рабочую среду уже проник свет сознания, что в нем уже пробудилось чувство собственного достоинства. Столкновение было неизбежно, и оно приняло ту форму, которую оно должно было принять, сообразно всему характеру царского правительства. Этому правительству нужны рабы. В лице демонстрантов перед ним явились смелые граждане. И вот оно схватилося за розгу, чтобы напомнить этим гражданам, что чувства, их воодушевляющие, составляют у нас запрещенный товар, и что тех, кто его распространяет, ждет последняя степень унижения.

Свист розог характеризует нынешний наш политический порядок несравненно лучше, чем мог бы характеризовать его гром выстрелов. Сечение — наказание, придуманное для рабов, — показывает, что самодержавие царя, равносильное самодержавию администрации, означает в то же время полное рабство пролетариата. Оно разоблачает колоссальную, по своему бесстыдству, ложь зубатовской политики: чего ждать русским рабочим от правительства, которое порет их розгами за участие в такой демонстрации, которая совершенно свободно совершается там, где трудящаяся масса завоевала себе политические права? Ничего, кроме новых цепей, ничего, кроме новых унижений! Русские рабочие не могут возлагать на него ни самой малейшей надежды. Русские рабочие должны проникнуться самой горячей, самой непримиримой ненавистью к царизму.

«Теперь мы достаточно знаем, что такое наш старый абсолютизм, — говорил Фердинанд Лассаль⁴ в одной из

своих громовых речей.—Потому прочь всякие колебания, прочь всякая нерешительность! За горло его и колено ему в грудь!»

Многие и многие из тех русских рабочих, которые уже начали задумываться об интересах своего класса, но которые еще не решались выйти на путь революционной борьбы с правительством, теперь, под влиянием известия о расправе с участниками майской демонстрации, наверно перестали колебаться, наверно расстались со всякой нерешительностью и прониклись страстным желанием поскорее положить конец нашему позорному политическому порядку, сделавшему возможным грубое издевательство над их братьями рабочими. Они поняли, что первым крупным шагом к освобождению русского рабочего класса от его многочисленных бедствий должно быть низвержение царизма.

Нет, должен быть насилью предел!
Коль угнетенный права не находит,
Коль для него несносно стало бремя

.....
Когда ничто помочь ему не может,
Тогда ему остался острый меч!..

Полицейская расправа с участниками майской демонстрации громко вопиет о мщении. Ни один сознательный русский пролетарий, ни один искренний друг русского пролетариата не имеют права успокоиться до тех пор, пока месть не совершилась. Но как мстить? Кого карать? Вот вопрос, настоятельно требующий от нас ответа.

Самоотверженный Леккерт⁵ решил его по-своему, напав на несколько пуль в виленского обер-палача. Вечная память герою. Но герой погиб, а иго царизма по-прежнему давит на израненные плечи русского рабочего класса, и по-прежнему позор розги угрожает всему трудящемуся населению России за самое малейшее проявление самосознания и независимости. Как избавиться от этой угрозы, одно существование которой есть уже кровавая обида всему трудящемуся населению России?

По нашему мнению, к этой цели ведет только один путь, но зато этот путь вполне верен, и наша партия не может миновать его в настоящее время.

Если вчера Иван подвергнут был телесному истязанию в участке, а сегодня Петр убьет кого-нибудь из полицейских, то человеческое достоинство Ивана все-таки останется поруганным. Вера Засулич выстрелила в Трепова, приказавшего высечь Боголюбова розгами. Этот поступок сделал честь Вере Засулич, но, к сожалению, он не вывел Боголюбова из невыносимого нравственного состояния. Наша ближайшая практическая задача заключается не в том, чтобы карать отдельных слуг царя, — мы все равно не в состоянии были бы покарать каждого из них в отдельности, — а в том, чтобы вообще отбить у правительства охоту отвечать на демонстрации розгами. А этого мы не достигнем самоотверженными действиями отдельных лиц; этого можно достигнуть только отчаянным сопротивлением со стороны всех тех, кому угрожает телесное истязание.

Администрация имела законное право сечь революционеров, заключенных в Шлиссельбургскую крепость: она не пользовалась этим правом, она хорошо знала, что шлиссельбургских узников можно повесить, можно задушить подушками, можно заколоть штыками или убить

прикладами, но нельзя наказывать розгами. Она понимала, что они будут сопротивляться до последней крайности и что вследствие этого вместо «наказания» произойдет просто — напосто изувечение или даже убийство одного или нескольких заключенных — факт, способный наделать много неприятного шума в России и за границей. Отчаянная решимость предохраняла шлиссельбургских узников от поругания. Она же предохранит от него и нынешних участников демонстраций.

И пусть не говорят нам, что в Шлиссельбурге заключены революционеры, энергия которых была закалена целыми годами борьбы, между тем как в демонстрациях могут принимать участие обыкновенные, «средние» люди, только что вышедшие на путь протеста. Между арестованными демонстрантами, наверно, всегда найдется несколько закаленных и испытанных борцов, способных взять на себя почин сопротивления и увлечь за собой средних людей «толпы». Русская трудящаяся масса, — рабочий городской и сельский уже пережил тот период детства, в течение которого он легко мирился с розгой. Теперь она глубоко оскорбляет его нравственное достоинство, и его уже не трудно заразить примером самозащиты.

Сопротивление палачам; сопротивление во что бы то ни стало; сопротивление до последних сил, до последнего издыхания, — вот необходимый теперь ответ на полицейские розги. Благодаря такому сопротивлению, сцены «исправительного наказания» уступят место гораздо более драматическим сценам геройской самозащиты революционеров в полицейских застенках. И если после такой самозащиты, — которая, разумеется, поведет за собою многие «неприятности» и даже опасности для руководителей полицейской расправы, — если даже и после нее полицейским варварам удастся-таки подвергнуть истязанию своих побежденных пленников, то из такого истязания совершенно исчезнет элемент «наказания», ломающего волю наказуемого и заставляющего его, подобно рабу, покорно ложиться под розги победителя, останется только элемент живодерства, напоминающий те мучения, которым краснокожие дикари Америки подвергали своих врагов. И это мучительство окажется таким могучим агитационным средством; оно покроет правительство таким позором; оно вызовет к нему такую жестокую ненависть во всех слоях населения, что от него вынуждены будут отказаться даже самые допотопные помпадуры.

Отдельные лица, способные на самоотверженный подвиг, бывали у нас прежде; они есть и теперь. Но самоотверженные подвиги отдельных лиц не устраняют нынешней нашей политической системы; а нам нужно устранить именно всю эту систему, потому что только ее полное крушение, только полное политическое освобождение России может достойно отомстить за все притеснения и за все унижения, испытываемые русским пролетариатом со стороны нашего полицейского государства. Нам, стоящим на точке зрения пролетариата, необходимо вдохнуть дух героизма в рабочую массу. И мы вдохнем его в нее, потому что русский рабочий уже не раб по своему настроению, потому что он уже сознает свое достоинство и способен носить с честью «гражданина сан».

Итак, надо сопротивляться розге. Но этого недостаточно. Надо уметь также сопротивляться и арестам во время демонстраций. «Искра» давно уже указывала на то, что необходимо организовать такое сопротивление. Она указывала отчасти и на то, как можно, по ее мнению, организовать его. Но этот последний вопрос принадлежит к числу тех практических вопросов, которые лучше всего решаются на месте соединенными силами сознательных рабочих. Мы же скажем теперь одно: эти сознательные рабочие должны помнить, что на них лежит теперь великая обязанность: обязанность помешать полиции остановить революционное воспитание массы.

[Г. Плеханов]

СОЦИАЛИЗМ И ЦЕРКОВЬ.

В прошлом номере «Искры» мы напечатали проект партийной программы. Как это ни покажется удивительным нашим читателям, одним из первых на наше предложение высказаться о проекте отозвался... один священник. Вот что пишет он в письме в редакцию:

М. Г. г-н Редактор!

Прошу поместить в «Искре» это письмо.

Прочитав программу требований «Искры», я нашел, что все эти требования соответствуют смыслу религии и духу православной церкви, более же всего отделение церкви от государства.

Мы, наместники апостолов, призванные руководиться ниспосланным на нас Святым Духом и нашей совестью, не имеем права выбирать из своей среды наиболее одаренных и уважаемых братьев, как наших руководителей, — это право русское правительство, состоящее из убогих людей, гордецов, доносчиков и убийц, оставило за собой. Оставшиеся со времен патриархов без руководителей, не имеющие свободы совести священники, мы от поколения к поколению забывали наши обязанности, вдалились в пороки — и следствием было, что многие неразумные люди смешивали настоящий порядок вещей и действия духовных лиц, недостойных своего звания, с учением православной церкви. Воспитание будущих священнослужителей поставлено благодаря правительству из рук вон плохо, мы выходим из школ неподготовленные к нашему высокому званию и вместо служителей бога и совести мы делаемся как бы чиновниками государства.

Мы знаем слова господина апостолу Петру, но объясняем сомневающимся людям, что война — печальная необходимость; мало того, мы, призванные охранять людей от братоубийства, носим на груди около священного воспоминания о кончине убитого Иисуса Христа — креста — медали, которые жалует убийцам-солдатам правительство за их преступление. Благодаря неразумию и неподготовленности, мы даже помогаем правительству в его преступлении (приходские школы).

Я не буду перечислять этих больных для меня свойств русского духовенства, но только укажу на то, что все это дело рук правительства, которому права совести были неудобны (вспомним Филиппа) и которое теперь,

сделав из своего противника — пособника, смеет уже совершать свои преступления именем православной церкви.

Я протестую против этого самозванства. Я сочувствую социализму, как имеющему целью свободу совести и братство людей и идущему к ней мирным путем без пролития крови ближнего, но осуждаю отношение русских социалистов к духовенству. Социалисты издают свободное слово к рабочим, к интеллигенции, к крестьянству, но для угнетенных и затемненных священнослужителей, которые только благодаря своему непониманию тормозят честное и хорошее дело, у них не находится освещающего события и факты слова.

Я сам читал воззвания к солдатам, но никогда не видел обращения к духовным лицам.

Я повторяю, что мы находимся в исключительных условиях; чтобы из прежнего православного духовенства, защитника слабых, укорителя притеснителей, выработать таких затемненных людей, какие мы сейчас в большинстве, нужны были исключительные ухищрения и, следовательно, теперь нужны исключительные меры, чтобы привлечь на вашу сторону ваших естественных союзников — священнослужителей, которые противопоставят тогда разбойникам, направляющим оружие на беззащитную и мирную толпу, негодующий взгляд наместника Христа. Перед этим взглядом опустится оружие, и для русских людей настанет время свободного самоуправления без царей и их наущников.

Прошу другие социалистические газеты перепечатать это письмо.

Духовный.

С.-Петербург, июнь 1902 г.

* * *

С большим удовольствием печатаем мы это письмо, хотя и не можем согласиться со многими мыслями, изложенными в нем. Автор письма протестует против нынешнего положения православной церкви, являющейся одним из органов всемогущей чиновничьей машины, преследующей цели укрепления самодержавия и порабощения народа. Совершенно справедливо он находит, что такая связь церкви с государством неминуемо развращает ее служителей. Мы приветствуем откровенное заявление одного из последних об этом несомненном факте и находим вполне последовательным требование автора об отделении церкви от государства. Это требование должно быть написано на знамени каждой прогрессивной партии, его должна отстаивать во что бы то ни стало партия рабочего класса — социал-демократия.

Мы несогласны с автором постольку, поскольку он, по видимому, ожидает, что освобождение церкви от связи с государством превратит ее в прогрессивное учреждение, способное отстаивать дело свободы и социального преобразования, и поскольку он идеализирует прошлое православного духовенства, которое, по его мнению, было «защитником слабых, укорителем притеснителей» до тех пор, пока духовенство не было подчинено правительству.

Правда, что в прошлом русского духовенства встречались отдельные деятели, защищавшие во имя христианских начал интересы слабых и притесненных; но такие

идеалисты были редкими исключениями, в громадном же большинстве православное духовенство, как и всякое другое духовенство, во все времена было прихвостнем угнетающих и эксплуатирующих классов. Как и везде, в России церковь всегда играла роль охранительной силы; как и везде, она была врагом прогрессивной мысли, отстаивала приниженность человеческой личности перед неразгаданными тайнами природы и общественного порядка; как и везде, на этой приниженности человека основывались ее власть и материальные интересы ее членов. И такой всегда будет роль церкви, как представительницы религиозной идеи, непримиримо враждебной знанию и истинно-человеческой нравственности.

Социализм, как борьба за освобождение человека от всякого рабства, в том числе и от рабства духовного, объявляет войну религиозной идеи и ее представительнице—церкви. И если в рядах служителей современного духовенства встречаются люди, которые, несмотря на все развращающее влияние своей среды, проникаются симпатией к освободительному движению рабочего класса, то они—если они искренни, последовательны и бесстрашны—после тщетных попыток примирить дело религии с делом страждущего человечества, оказываются вынуждены бросить церковь, убедившись в том, что она служит интересам эксплуататоров, и войти в ряды революционных борцов. Так поступили немецкий пастор Гере, голландский—Домела Ньювенгайс, французский аббат Шарбоннель и некоторые другие. Те же из священников, которые не нашли в себе сил оторваться от церкви, при всей готовности работать для народа, в конце концов остались жалкими приспешниками господствующих классов и врагами народного движения. Так было с аббатом Дансом в Бельгии, с пастором Науманом в Германии и с ксендзом Стояловским в Галиции.

Социал-демократия будет бороться за полное отделение церкви от государства, за устранение церкви от

руководства народным обучением и за полную свободу совести.

Проведение этих реформ лишит государство одного из орудий угнетения народа и даст возможность свободной критике бороться за освобождение народного сознания от ига поддерживаемых церковью предрассудков. При свободе совести рвущаяся вперед мысль народных масс не будет приковываться к религиозным вопросам, как это бывает теперь (сектантство), а направится на те вопросы «земной» жизни, на которые она наталкивается всем ходом общественного развития.

Значит ли это, что в деле борьбы за свою политическую программу рабочий класс не может ожидать поддержки со стороны лучшей части русского духовенства? Отнюдь нет. Мертвящая неограниченная власть русского правительства способна вызвать протест среди самых отсталых слоев общества и, как видно из письма, она вызывает даже среди священников стремление освободиться от позорной связи с нею. Мы можем только приветствовать это стремление, как бы мы ни относились отрицательно ко всем надеждам на духовное возрождение церкви. И мы согласны с автором письма, что долг революционеров занести пропаганду и в эту среду. Сильно развившееся в этом году движение среди воспитанников духовных семинарий показывает, что эта пропаганда не будет бесплодной. Она пробьет брешь в одном из устоев современного политического строя. Она привлечет к революционному движению пролетариата сочувствие таких элементов, которые до сих пор прятались в глубине вражеского лагеря. А если она приобретет движению хотя бы десятки честных священников, то услуги, которые они смогут оказать нашему делу (особенно в деревне), окупят затраченные на нее труды.

[Л. Мартов]

ФЕЛЬЕТОН

«ВОЗМУТИТЕЛЬНЫЙ ПО СВОЕЙ ДЕРЗОСТИ СЛУЧАЙ».

В редакции получены копии с нескольких документов, относящихся до одного незначительного происшествия, случившегося еще в 1898 г., при чем самый позднейший из этих документов помечен маем 1900 г., но, несмотря на незначительность всей этой истории и ее запоздалое оглашение, в ней так много характерного и поучительного, что мы не можем не поделиться ею с читателями. Начнем с «всеподданнейшего министерского доклада от 26 октября 1898 г.», вводящего нас прямо в курс дела.

«Директор Полтавской земской школы садоводства и огородничества поручик запаса Налимов, возвратясь в июле сего года из отпуска, усмотрел по вступлении вновь в должность некоторый упадок дисциплины среди учеников и обнаружил запрещенную брошюру. Убедившись, путем произведенного им лично по сему поводу расследования, что виновником замеченных нарушений является сторож школы крестьянин Сераш, имеющий на

воспитанников вредное влияние, Налимов устранил последнего от должности. Затем, в виду стремления Сераша поддерживать сношения с воспитанниками и по увольнении со службы, Налимов довел об этом до сведения начальника местного губернского жандармского управления, по распоряжению коего Сераш был обыскан и вследствие обнаружения у него революционных сочинений был подвергнут аресту. Произведенным по сему поводу дознанием выяснено, что отобранная у воспитанника школы садоводства подпольная брошюра дана ему Серашем, который во время службы своей при школе вел среди учеников антирелигиозную и противоправительственного характера пропаганду. Вслед за увольнением Сераша от должности и его арестом некоторые служащие в Полтавской губернской управе собрались в числе 26 лиц в квартире заведующего музеем управы кандидата естественных наук Олеховского, где составили и подписали нижеследующее постановление:

«Мы, нижеподписавшиеся, обсудив поступок управляющего Полтавской школы садоводства и огородничества Полтавского губернского земства В. П. Налимова, заключающийся в доносе жандармскому управлению на лицо, доставившее одному из учеников школы произведение нелегальной литературы, нашли:

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Покойный егермейстер Сипягин в роли римского папы, а виленский губернатор фон-Валь в роли епископа римско-католической церкви.

Из легальных газет известно, что виленский епископ выслан русским правительством на 5 лет в город Тверь за свой циркуляр, запрещающий родителям и воспитателям, под страхом лишения покаяния, посылать своих детей и питомцев в русские церковно-приходские школы, так как в них с некоторых пор закон божий для католиков преподают православные священники, которые вооружают детей против отцовской веры. Правительство обвинило епископа в превышении власти и сослало. Епархия осталась без епископа, но связанная как его последним циркуляром, так и всеми его постановлениями, изданными за время своего правления. Разрешить от них, объявить их недействительными может только один папа, но и то, рассмотрев предварительно все дело и констатировав со своей стороны превышение власти епископом. Но так как в данном случае ничего подобного быть не могло, папа ни под каким видом не удалил бы епископа, мужественно защищавшего исконные права римско-католической церкви, и не нарушил бы его постановления, то... (в России и невозможное возможно!) роль и право римского папы, с обычной своей развязностью, взял на себя покойный егермейстер Сипягин. Он приказал виленскому губернатору фон-Валю (в данном случае по ходу дела — своему епископу) наложить запрещение на последний циркуляр своего удаленного предшественника. Фон-Валь 2 апреля сего года разослал ксендзам приказ, требуя от них подписки в том, что применять последнее циркулярное распоряжение бывшего епископа они не будут. Но по смыслу законов своего канонического права, ксендзы дать такой подписки не могли. Лишь один необдуманно подписался. Потом, сообразив, в чем дело, взял свою подпись обратно. За это фон-Валь выслал его из Вильны. Казалось бы, теперь уж все кончено, ослушники напуганы, и повинные подписи сами собой потекут в канцелярию губернатора. Но не тут-то было. Капеллан виленского костела св. Стефана, 60-летний старик, прислал фон-Валю мотивированный

ответ, в котором подробно разъяснял, почему именно распоряжение его от 2 апреля, касающееся вопросов церкви, для ксендзов необязательно. Свое заявление капеллан закончил словами:

... «Кто не дорожит единством с католической церковью, тот без затруднения исполнит объявленное циркуляром Вашего Превосходительства требование бывшего Министра Вн. Дел; кому единство церкви и долг совести дороже временных выгод и благ земных, тот предпочтет ссылку или другое наказание».

Чем кончится это дело, — неизвестно. Вероятно начнутся длинные переговоры между римской курией и русским правительством, не обойдется без сделок и компромиссов... Но факт остается фактом — наше правительство, повидимому, серьезно взялось и за религиозные вопросы... Ему мало духоборов, евреев, оно нарушает уже исконные права католичества. Зачем это? Вероятно для того, чтобы было больше недовольных.

Н. Н.

БЛЮСТИТЕЛИ ПРАВОСУДИЯ.

Ст. Тихорецкая (Владикавказск. железной дороги).

В начале мая здесь произошли крупные рабочие беспорядки, вызванные следующим трагическим происшествием. Из Екатеринодара ехала в Ростовкая-то девушка, дочь чиновника. Она пригласила ехавшему вместе с ней судебному следователю (впрочем, говорят, что вместе с ним был и какой-то офицер). Дело дошло до того, что г. судебный следователь, ехавший прямо из округа, где он представлялся по начальству, сделал девушке гнусное предложение. Она с негодованием отвергла его. Тогда блюститель правосудия подкинул в ее чемодан кое-что из своих вещей и сделал на ст. Тихорецкой заявление, что спутница воровка, обокравшая его. Жандармы хватают мнимую воровку, несмотря на ее протесты и требование телеграфировать отцу, которого знают все в Екатеринодаре, и препровождают через станичную полицию в станичное управление. Здесь г. судебный следователь был хозяином положения. Он изнасиловал несчастную девушку, а затем предоставил ее в распоряжение чинов полиции и вообще всех желающих. За следователем очередь перешла к станичному атаману, далее к станичным жандармам, писарям... Все телеграммы, которые несчастная пы-

«„1) в распоряжении г. Налимова, как управляющего школой, имелся целый ряд средств для предупреждения случаев, подобных указанному. Из этих средств г. Налимов выбрал и применил то, которое наименее согласуется с требованиями элементарной порядочности: именно донос жандармскому управлению, следствием чего был арест означенного лица.

«„2) Такой образ действий г. Налимова, не соответствующий общественному представлению о порядочности, в частности находящийся в совершенном противоречии с лучшими традициями земской деятельности, постоянным орудием которой было и должно быть развитие знаний, а не административное воздействие.

«„Усматривая в виду изложенного в поступке г. Налимова ничем неоправданное нарушение важнейших обязанностей каждого порядочного человека, в частности каждого земского служащего, налагающее пятно позора на всю окружающую среду, мы решили: исключить г. Налимова из нашей товарищеской среды“ (подписи 26 лиц).

«Постановление это было препровождено Налимову при письме следующего содержания за подписью тех же 26 лиц:

«„Мы, нижеподписавшиеся, собравшись в товарищеском кружке, сочли своим долгом довести до вашего сведе-

ния, что все мы глубоко возмущены вашим поступком, которому не находим никакого оправдания. Мы решили, что не можем больше считать вас своим сотрудником по службе Полтавскому губернскому земству, которое также опозорено вашим поступком, как и все мы, считавшиеся вашими товарищами. Мы исключаем вас вместе с этим из нашей товарищеской среды и раз навсегда отказываемся от всякой солидарности с вами, предоставляя вам самим судить о неизбежных практических последствиях этого исключения“ (следуют подписи 26 лиц).

«При этом означенные лица (поручили Олеховскому потребовать от Налимова объяснения по поводу его образа действий, а один из подписавших вышеприведенное постановление старший врач полтавских богоугодных заведений статский советник Святловский заявил председателю губернской земской управы требование о немедленном увольнении Налимова от должности, каковое требование было однако председателем отклонено. После того Налимов стал получать по почте оскорбительные себе письма, а явившись однажды в канцелярию управы, подвергся оскорблению со стороны одного из служащих.

«Принимая во внимание, что вся обстановка этого дела, а также мотивы, изложенные в постановлении, предста-

талась отправить к отцу, были задержаны на телеграфе, так как телеграфисты тоже приняли участие в этом деле. Наконец, несчастную задушили и влили ей в горло карболки! Подкупили врача, который дал свидетельство, что она сама лишила себя жизни. Все окружающие были в заговоре против одинокой девушки — вся местная «интеллигенция» приняла участие в этом. Неоткуда было ждать помощи. Но вот грянул гром, и над головами всей этой разнузданной шайки разразилась гроза. Весть об ужасах, творящихся в стенах станичного управления, дошла до рабочих (на ст. Тихорецкой имеются громадные железнодорожные мастерские). Только в среде простого рабочего люда судьба несчастной встретила сочувствие, и народ отомстил за поруганную честь и загубленную жизнь ее.

Все рабочие сбежали в станицу и бросились преследовать негодяев: разгромили станичное правление, разгромили почтово-телеграфную контору, разбили железнодорожную станцию и канцелярию жандармов, избili страшно всю полицию и других виновников всей этой гнусной истории. Только тогда кто-то, наконец, дал знать отцу. По его настоянию начато расследование. Арестовано около 30 человек. Начато и другое дело — разумеется против рабочих. Арестовано много народу. Аресты продолжают. Все фамилии и подробности в следующий раз.

Этот непосредственный и немедленный протест рабочих против гнусностей местной жизни захолустий заслуживает особого внимания. Он показывает, какая еще широкая область активного вмешательства пролетариата во всю современную жизнь лежит перед нами открытою. И когда пролетариат, с полным сознанием своей всемирно-освободительной задачи, возьмется за свое дело, он сумеет найти тысячи поводов и тысячи новых форм для такого вмешательства во имя свободы, равенства и братства!

Ред.

Художники — и борьба за свободу (документ из недавнего прошлого).

Приводим интересную прокламацию, изданную в Спб-е «Союзом свободных художников» по поводу назначенной на 3 марта демонстрации:

«Насилие и произвол полиции, санкционируемые правительством, слишком рельефны, чтобы пройти бесследно для нас, служителей искусства.

вляют со стороны лиц, его подписавших, крайне дерзкое выражение противоправительственного образа мыслей, что большинство этих лиц по прежней своей деятельности было уже замечено в политической неблагонадежности и что такое коллективное заявление в достаточной мере указывает на крайне нежелательный дух и нахождение в составе служащих в Полтавской губернской земской управе лиц, кои там терпимы быть не могут, я не нашел возможным оставить этого случая без принятия чрезвычайной меры, почему и признал необходимым, на основании положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, воспретить 26 лицам, подписавшим постановление, а также кандидату естественных наук Олеховскому, в квартире коего состоялось означенное постановление, жительство в пределах Полтавской губ. сроком на три года с предупреждением их, что они впредь ни на какую земскую службу нигде приняты быть не могут...

«Об изложенном с представлением списка 27 лиц, коим воспрещено пребывание в Полтавской губернии в течение указанного срока, всеподданнейшим долгом поставляю себе доложить Вашему Императорскому Величеству.

Подписал: Министр Внутренних Дел Горемыкин».

«Быть может, требование политической свободы пугает нас, привыкших безропотно подчиняться прихотям власти и деньги имущих, отдавать свои творческие силы на служение абстрактному искусству, чуждому общественных тенденций.

«Всмотримся ближе в наших коллег по искусству: поэтов, писателей, журналистов. Разве Толстой, Некрасов, Тургенев такие узкие служители искусства, как мы?

«Только тогда мы будем друзьями народа; тогда будем им понимаемы и любимы, когда сроднимся с ним и явимся выразителями общественного настроения.

«Не пугайтесь свободы, она лишь развяжет нам руки и даст сильное оружие в борьбе со злом.

«Свободное общество скорее будет в состоянии оценить нашу работу, задача художника расширится.

«Вместо никому ненужного расписывания церквей, изображения сосны во всех видах и проч., явятся более солидные и более нужные публике произведения.

«Свобода — наш брат и сила, нужная нам еще больше, чем врачам и инженерам.

«Протестуйте против всяких оков и цепей!

«Протестуйте открыто всеми силами, не гнушайтесь демонстрацией! Это единственное средство заставить высшую власть призадуматься. Демонстрация и забастовка не простые детские забавы. Это скрытый протест, вынесенный на улицу с целью сделать его общим достоянием.

«Если даже и низринута будет начинание ваше, пусть и тогда раздастся победная песнь вашей честности».

«Так говорил Заратустра».

Из писем ссыльных студентов.

Красноярск, 2 апреля 1902 года.

Еще за несколько дней до нашего отъезда у нас в пересыльной чувствовалось, что нас отправляют в Сибирь. Был прощальный обед в нашей камере. Затем вечером за несколько часов до нашего прощания все с разрешения начальства собрались в нашей 4-й камере. Говорили стихи, пели. Около 10 ч. пришел конвой. Все отъезжающие стали собираться, оделись. Начались речи, прямо и без обиняков назвавшие, кто наш враг, за что мы боремся, чего желаем. Это все при начальстве и надзирателях, державших себя очень тактично. Затем началось тяжелое прощание с товарищами на много лет. Впечатление от этой минуты оста-

Распоряжение министра было приведено в исполнение, но из числа высланных девять человек подали жалобы в Правительствующий Сенат. В этих жалобах они заявляют, что их неодобрение поступка Налимова, сообщенное ему в закрытом письме, носило совершенно частный характер, что вызванное этим письмом распоряжение министра неправильно по существу и кроме того нарушает предписанные законом формы и выходит за пределы предоставленной министру власти. Оно обосновано исключительно на двух статьях «положения об усиленной охране», но, во-первых, эти статьи относятся лишь к губерниям, объявленным на таком положении, к числу которых Полтавская губ. не принадлежит, и, во-вторых, в настоящем случае не был соблюден даже узаконенный порядок разрешения дел о высылке вредных для государственного спокойствия лиц, на основании положения об усиленной охране: ни расследования, ни представления о высылке просителей со стороны местного губернатора вовсе не было сделано и в особом совещании министров вопрос не рассматривался. Кроме того, сделанное министром предупреждение о том, что просители никогда не будут приняты на земскую службу, равносильное ограничению их гражданских прав, совершенно неправильно и может быть наложено только по суду.

лось тяжелое... Выйдя за решетку, разделившую нас от оставшихся, мы просовывали им руки, жали еще раз руки людей, с которыми боролись вместе. Внизу стояли конвойные солдаты... начался прием вещей и людей. Нас сверяли с карточками, приложенными к документам «политического ссыльного» такого-то. Затем поздно ночью мы столпились в коридоре внизу. За решеткой с улицы пришел какой-то полицейский офицер. Ряд насмешек, парализовать которые он уже был не в силах (ибо мы уже были во власти конвоя, которому не было дела до почтенного полисмэна), заставил негодя удалиться во-свояси. Тихо запели затем мы какую-то песню, соответствовавшую положению («Если погибнуть придется в тюрьмах и шахтах сырых, дело всегда отзовется на поколениях живых...» и т. д.). Наше, хотя и негромкое, пение услышали наверху оставшиеся товарищи и ответили в последний раз пением «Марсельезы». Нас стали рассаживать по каретам. Нестолько лишь курсисток проводили нас у ворот тюрьмы. Затем началось нескончаемое путешествие по России в двух вагонах, наполненных новоиспеченными «преступниками», рассаженными за решетку, как вредные люди... По приезде сюда (в Красноярск), нас отвели в здешнюю пересыльную тюрьму. Но мы отказались жить в той тесноте, какую нашли. Нас поэтому отвели в хирургический барак здешней тюремной больницы, очистив его, конечно, от больных. Одну ночь, впрочем, мы проспали с больными. Москвичей здесь много и их уже развозят на места жительства, около 30 ч. из них отправляют в Якутскую область, 6 курсисток отправляются туда на 4 года. Поймите весь ужас положения, когда каждую из них посадят в какой-нибудь, в лучшем случае, город Якутки одну, в глуши, где нет ни дорог, ни почт... Только здесь можно понять, что это значит. Посмотрел бы вы, в какой грязи держат здесь арестантов. Двое из москвичей — один студент и одна курсистка — заболели здесь тифом. Их посадили в больницу, но ухода за курсисткой почти не было. На ночь ее запирали на замок в барак, лишая всякой медицинской помощи. Студент очень плох. Наверно, не без следа для них прошла 6-дневная голодовка в Московской тюрьме. Пищу дают гниющую даже больным, что же дают здоровым арестантам? 95 проц. больных болеют катарром желудка... О сибирских ужасах распространяться не буду. Главная тема все тот же произвол, насилие, беззаконие и проч. Жизнь человеческая не ценится... Что, впрочем, и говорить об этом. Где все

сплошь наглость и полицейский грабеж, чего же там и ждать. На-днях еще партия политических прибыла из Москвы; много рабочих... С дороги почти нельзя писать: нас не выпускали из вагона. Москвичам же даже не разрешили открывать окна.

По поводу назначения Лопухина осведомленные юристы сообщают следующее: Во время пребывания Плеве в Харькове Лопухин выяснил ему невыгоды, проистекающие от крайних пределов произвола, до которых в настоящее время дошла охрана, благодаря целому ряду случайно взятых без достаточных улик элементов, искусственно расширяется контингент недовольных. По проверке в Петербурге в департаменте полиции выяснилось, что за последний год через охрану прошло 60.000 дел. Эта цифра показалась Плеве подозрительной, и он, будто, решил принять меры к ограничению действий охраны, для чего и назначил Лопухина, как лицо ориентированное в положении дела. Эти сведения подтверждаются теперь; дело Скимунта, между прочим, ведется новым порядком и прямо поступило в жандармское отделение.

Из Перми. Члены Пермской губернской земской управы Селиванов, Тугаринов и Кирпищиков прониклись вследствие смерти Сипягина «патриотической грустью» и решили проявить ее (ибо такие драгоценные чувства не скрываются) в панихиде *. Часть служащих земства, увидя приготовления к чему-то и ожидающих чего-то двух священников, догадалась, что, вероятно, «наши инвалиды» решили не отставать от губернских властей по части проливания слез, печали и горя по столь незаменимой утрате, и, утвердившись в истинности своих предположений, порешила не обходить этого факта молчанием, но выразить порицание инициаторам устройства панихиды и не явиться, конечно, в зал на панихиду. Как только она началась, были сейчас же закрыты двери в некоторых отделениях управы, и работа продолжалась обычным порядком. Еще часть служащих, не решившаяся присоединиться к про-

* Председатель управы был в отъезде. Официального предписания служить панихиду со стороны «властей» не было, инициатива служить панихиду всецело принадлежала означенным трем членам.

Рассмотрев эти прошения, Правительствующий Сенат потребовал от министра внутренних дел сведения и объяснения относительно заключающихся в них указаний на несогласие его распоряжений с законом. В своем ответе министр заявляет, что высылка из Полтавской губ. 27 лиц, признанных им, министром, политически-неблагонадежными, последовала по непосредственному его распоряжению, поэтому и не рассматривалась в особом совещании министров. В это совещание должно вноситься лишь «представление подлежащих властей» о высылке того или другого лица, но не личные соображения министра внутренних дел. В подкрепление этого мнения он приводит то соображение, что постановления особого совещания приобретают законную силу лишь при условии утверждения оных министром внутренних дел и что, следовательно, он, министр, может сослать человека и в том случае, «когда совещание встретило бы какое-либо затруднение согласиться с представлением о сем местной власти». Чтобы окончательно убедить, наконец, Правительствующий Сенат в том, что для него, Горемыкина, закон не писан и высочайшее повеление 7 октября 1895 г. относится лишь к местным властям, а до него не касается, он сообщает Сенату, что, «испрашивая означенное высочайшее повеление, министр внутренних дел

имел в виду лишь упорядочить административную высылку, не умаляя собственных полномочий». Такое же всевластие признает он за собою и по вопросу о запрещении тем или другим лицам земской службы. Министр сообщает при этом, что из лиц, подвергшихся означенной мере, все «принесшие раскаяние в их дурном поступке возвращены на прежнее место жительства и допущены вновь на земскую службу». Таких раскаявшихся, как видно из другого документа, было человек 5 или 6.

Рассмотрев обстоятельства настоящего дела, Сенат согласился с просителями как относительно неприменимости к ним «Положения об усиленной охране», так и относительно того обстоятельства, что в данном случае порядок административной высылки, предписываемый этим «положением», соблюден не был. Правильность толкования министра, признающего предписанный порядок обязательным лишь для дел, начатых по инициативе местных властей, а не по его личному усмотрению, Сенат отрицает. Министр может в чрезвычайных обстоятельствах нарушать все предписанные порядки и принимать все меры, какие ему заблагорассудятся, но не иначе, как испросив на них предварительно высочайшее повеление. В данном же случае, хотя и довел о своем распоряжении до высочайшего сведения, но повеления не испросил,

тесту, но не желавшая все же присутствовать на панихиде, ушла «от греха» домой или в клуб «завтракать».

На панихиде присутствовали: 3 члена управы, эконом Лунев, бухгалтер, два сторожа, и, кажется, человек 4—5 мелких служащих. После панихиды отправились к членам управы и выразили им порицание в следующей приблизительно форме: «Хотя христианский долг требует молиться и за врагов своих, но в данном случае панихида, устраиваемая вами в помещении земства, будет иметь большое общественное значение в смысле выражения сочувствия той внутренней политике и тому, в частности, нетерпимому отношению к земству и самоуправлению, выразителем которых являлся покойный Д. С. Сипягин. Мы, близко принимающие к сердцу интересы земства, которому служим, не можем не выразить вам своего сожаления по поводу столь нетактичного распоряжения вашего, как служение панихиды по Сипягине в помещении земства».

Слух о протесте земцев распространился по городу. Дошел он и до жандармского управления, которое обещало сделать через губернатора по этому поводу официальный запрос управе. Был ли сделан запрос или нет, пока остается невыясненным. Если будет продолжение, — сообщим.

Смоленск.

Кажется, из всех губернских городов только Смоленск остается не на военном положении. Но и у нас далеко не спокойно. По городу разбрасываются и расклеиваются пропагандистские листки на злободневные темы; так, напр., последний листок был посвящен приговору над Балмашевым. Долго спавший жандармский полковник Громека встрепенулся, начались обыски, аресты, слежка. Арестовал всех высланных рабочих и многих интеллигентов, преимущественно из статистического бюро (около 11 человек), а затем начал «дело» и почил на лаврах, мечтая о награде за полное искоренение крамолы. Какова же была его злоба, когда через некоторое время обнаружилось, что крамола не уничтожилась, а, наоборот, усилилась, когда на Ярцевской фабрике (8.000 раб.), так зорко охраняемой от заразы, был арестован с прокламациями поднадзорный студент, Герасимович, и когда в один прекрасный день забастовали все заготовщики, требуя сокращения рабочего дня, а с ними некоторые мастерские портных и переплетчиков! Громека озверел. Призванного на допрос рабочего Берестинского, который осмелился сесть в его присутствии,

он схватывает за волосы и колотит головой об пол, приговаривая: «Я тебе покажу, мерзавец!» На возражение: «вы не имеете права бить, а если я виновен в нарушении закона, то судите», он со словами: «а, начитался!» продолжал зверскую расправу. Вмешательство жандармов не остановило стачек, но озлобило рабочих, показав им несовместимость самодержавия с их интересами. Стачка выиграна, и все требования удовлетворены. Тогда как раньше работали от 6 ч. утра до 9 ч. (и позже) вечера, теперь время работы установлено от 8 ч. утра до 8 ч. вечера, при чем соблюдается обеденное время (2 часа). Хозяева стали обращаться очень вежливо и улучшили пищу. Между прочим, ярко характеризует бедственное положение здешних рабочих выставленное в одной мастерской требование: держать хлеб незапертым и подавать его к обеду больше.

Теперь Громека посылает жандармов по мастерским переписывать стачечников; очевидно, он решил еще раз переменить тактику, но какую выберет теперь — пока неизвестно.

Смоленск наводнен шпионами, которых очень легко узнать и которые своим неуклюжим слежением вызывают хохот у преследуемого. Очевидно, Громека ставит себе целью помешать здешних крамольников, так как в подмогу этим медведеобразным шпионам переодет урядников и городовых: они уморительно-смешно расхаживают в непривычном партикулярном платье и, того и гляди, отдадут под козырек офицеру.

По городу расклеены «обязательные постановления», запрещающие устраивать демонстрации, что навело на размышления здешних сонных обывателей.

В здешней тюрьме политические заключенные устроили голодовку, требуя ускорения следствия. На третий день голодовки уголовные устроили «бунт» из-за пищи и мыла, на которых их обкрадывал смотритель. «Бунт» состоял в том, что они вывесили из окон 3 флага с надписями: «За мыло!», «За пищу!» и... «За свободу!» и осыпали камнями окна квартир начальства.

В городе Рославле рабочие железнодорожных мастерских толпой в несколько сот прошли мимо тюрьмы, в которой были заключены политические, с криками: «Свобода!»

В Ельнинском уезде появились прокламации к крестьянам. Поездка Громеки не привела к открытию «корней и нитей».

почему его распоряжение о высылке не может быть оставлено в силе. Превышает пределы предоставленной министру внутренних дел власти также и его воспрещение высланным из Полтавы лицам впредь поступать на земскую службу. Поручить полтавскому губернатору потребовать удаления со службы в Полтавском земстве лиц, признанных неблагонадежными, он мог. «Однако Министр Внутренних Дел этим не ограничился, а распорядился о недопущении просителей и впредь на земскую службу, не испросив на эту меру, не предусмотренную законом и ограничивающую без суда права просителей высочайшего соизволения порядком, определенным в ст. 3 положения об охране. А потому на основании изложенных соображений Правительствующий Сенат, не входя в существо дела, предложил: распоряжение Министра Внутренних Дел о высылке просителей из Полтавской губ. и о воспрещении им впредь поступать на земскую службу, как не основанное на законе, отменить».

Таким образом, разногласие между Сенатом и Горемыкиным сводится к тому, что, по мнению Сената, действуя собственной властью, министр обязан руководствоваться изданными законами, Горемыкин же находит это совершенно неуместным. И действительно, даже «Положение

об усиленной охране», изданное со специальной целью узаконить административный произвол, все-таки стесняет, как всякое установленное правило. Руководствуясь им, надо помнить, какая губерния объявлена на положении усиленной охраны, какая нет, и, предпринимая что-нибудь экстраординарное в необъявленной губернии, надо предварительно распорядиться об объявлении. «Положение» предписывает к тому же некоторые формальности, правда пустые, так как, что бы ни говорил в особом совещании представитель министерства юстиции, министр внутренних дел все же может рассказать кого ему угодно и за что угодно, но что за охота тратить время на выслушивание пустых речей? К тому же по «Положению об усиленной охране» приходится применять одни и те же рутинные кары: тюрьму да ссылку, а министру может притти в голову нечто оригинальное, вроде запрещения «навсегда» земской службы 27 лицам, избравшим эту службу своей специальностью. С своей стороны, Сенат напоминает министру, что он имеет полную возможность оригинальничать и нарушать все правила под единственным условием делать это не от своего имени. Всякий раз, когда ему захочется совершить какое-нибудь экстраординарное беззаконие, он должен «предварительно испросить высочайшее повеление». При теперешнем царе это

Ковна.

В ночь на 29 апреля в Ковенской тюрьме был бунт. Поводом послужило следующее: надзиратели вели в карцер одного уголовного, в коридоре между ними и заключенным завязалась какая-то ссора, кончившаяся тем, что надзиратели набросились на него и стали наносить ему удары. Избиваемый кричал: «На помощь! Выручайте!» Вмиг дружным напором были высажены двери камер, толпа арестантов избила надзирателей, избила и других, прибежавших узнать в чем дело. Затем в каком-то стихийном порыве арестанты стали ломать нары, высаживать окна, бить стекла... Были присланы солдаты, казаки, приехал губернатор, прокурор.

По команде солдаты со штыками и казаки с нагайками ворвались в тюрьму, началась расправа, и арестанты были усмирены. А на другой день усмирённых поодиночке водили в баню, — и секли...

Москва. (Зубатовцы.)

На-ряду с «Обществом взаимопомощи рабочих механического производства» в Москве образовалось за последнее время «Общество взаимопомощи ткачей».

Образовалось это общество не без содействия «Охранного Отделения» и председателем его был утвержден рабочий Жилкин, из компании Афанасьева, Слепцова, Красивского и других клиентов Зубатова.

Этот Жилкин играл крупную роль в стачке ткачей на шелкоткацкой фабрике «Гужона и Мусси».

В № 19 «Искры» уже упоминалось об этой стачке, но ее подробности так характерны для политики Зубатова, что мы постараемся изложить их возможно полнее.

В начале февраля ткачи фабрики «Гужона и Мусси» заявили хозяину, что через две недели они бросят работу, если каждому из них не будет выдано одновременно 25% заработка за весь прошлый год. Основаниями для такого требования ими были выставлены: частый простой не по вине рабочих (плата сделная), выполнение работ, не входивших в расценки, и обмеривание при измерении кусков.

Через несколько дней после предъявления этого требования к хозяину фабрики для переговоров явился Жилкин в качестве председателя «Общества взаимопомощи ткачей». Хозяин фабрики отказался разговаривать с ним, так как Жилкин у него не работает.

На следующий день Жилкин снова явился, на этот раз запасшись удостоверением от полицмейстера Трепова, что он действительно состоит председателем «Общества взаимопомощи ткачей».

Удостоверение возымело свое действие, и хозяин фабрики согласился вступить с ним в переговоры. Поговорив с хозяином, Жилкин отправился, было, разговаривать и с рабочими. Но этого стерпеть хозяйское сердце уж не могло, и Жилкин был выпровожен за ворота.

Заведующий фабрикой предложил рабочим выбрать из своей среды представителей, чтобы совместно разобрать их требования. Те отказались.

Был на фабрике и фабричный инспектор, опросил рабочих и нашел их требование неподлежащим удовлетворению.

Хозяева фабрики решили не уступать ни в каком случае, и через две недели ткачи забастовали.

Рабочие у «Гужона и Мусси» живут в фабричных казармах. На повторенное несколько раз требование хозяина выселить забастовавших полиция не обращала никакого внимания. Фабрикант не уступил, и полиция решила принять иные меры, чтобы склонить строптивого к уступчивости.

Собственников фабрики вызывают к Трепову, и тот им предлагает удовлетворить требование рабочих. Фабриканты соглашаются подвергнуть дело совместному разбору, но Трепов никаких разборов признавать не желает и настаивает, чтобы требование рабочих было удовлетворено. Те отказываются.

Тогда Трепов начинает кричать на них и грозит этим мирным буржуа арестом, обещает доехать их санитарными осмотрами. Те пострадать готовы, но уступить несогласны.

На следующий же день на фабрике появляется санитарная комиссия и составляет 3 протокола.

Хозяева фабрики посылают жалобу Витте, а копию с нее — Трепову.

Это заставляет Трепова признать официально стачку, и на фабрику приезжает комиссия из представителей полиции и фабричной инспекции, опрашивает рабочих и предлагает забастовавшим выселиться из фабричных казарм.

Значительная часть рабочих уезжает в деревню, другая остается в Москве, и ей Жилкин, из средств «Охранного Отделения», выдает по четвертаку на человека в день.

Попробовали было хозяева фабрики выписать новых рабочих. Жилкин пригласил этих рабочих в «Охранное

не представляет, казалось бы, никаких затруднений, но Горемыкин не чужд, повидимому, некоторого тщеславия. В своем ответе он стремится воссиять перед Сенатом во всей красе не фактической только, но также и формальной неограниченности своего всевластия.

Проект своего определения Правительствующий Сенат сообщил для подписи министру внутренних дел, который к этому времени (май 1900 г.) успел уже смениться. Вместо Горемыкина теперь властвовал Сипягин. Определение Сената он возвратил неподписанным при следующем отзыве:

«Министр Внутренних Дел прежде всего останавливается на том соображении, что Полтавская губ. в 1898 г. действительно не была в установленном порядке объявлена в исключительном положении. Посему и заключение Правительствующего Сената о том, что принятые, на основании означенного положения, в отношении просителей меры представляются невытекающим из закона, является совершенно основательными и с его, министра, стороны каких-либо возражений вызвать не может. Признавая преподанные Правительствующим Сенатом в проекте определения соображения, при обычном течении дел, безусловно обязательными к исполнению, Министр Внутренних Дел вместе с тем присовокупляет, что соображения эти и основанное на них заключение,

по его мнению, не могут однако иметь применения к настоящему случаю. В сем отношении нельзя не остановиться на том положении, что, на основании ст. 1 положения об охране, высшее направление действий по охранению государственного порядка и общественного спокойствия принадлежит Министру Внутренних Дел, коему независимо сего... предоставлены особые полномочия по охранению вверенной ему внутренней безопасности, в силу коих он, при чрезвычайных обстоятельствах, вправе действовать всеми вверенными ему способами, не ожидая высшего разрешения, но лишь донося о принятых мерах и причинах их настоятельности. Наличие таких обстоятельств в рассматриваемом случае Министром Внутренних Дел в настоящее время удостоверена быть не может (курсив наш), но он полагает, что обстоятельства эти несомненно существовали, ибо предместник его, Действительный Тайный Советник Горемыкин, признал необходимым принять в отношении просителей указанные выше исключительные меры, в качестве мер чрезвычайных и в то же время о сделанном распоряжении довел до Высочайшего Государя Императора сведения. Его Императорское Величество не только не соизволил отменить означенную меру, но собственноручно на всеподданнейшем по сему предмету в докладе

Отделение» и там после разговоров они исчезли из Москвы*.

Эта стачка не осталась без влияния на остальных московских рабочих. На многих фабриках ткачами были предъявлены требования, очень схожие с требованиями ткачей «Гужона и Мусси».

Кроме того, все московские ткачи решили перед пасхой заявить расчет и после пасхи наниматься не иначе, как артелями, а на те фабрики, где будет нанят хоть один рабочий не из артели, не поступать вовсе.

Такова одна сторона зубатовской политики. Другая — массовая высылка неблагонадежных. Фабриканты рассказывают: явится ночью полиция, заберет человек 50—60 рабочих и выводит из Москвы. Просто и скоро, без шума и волокиты, хотя бы даже упрощенного административного производства в охранном порядке.

Пока зубатовская политика возбуждает в рабочей массе кучу смутных надежд и ожиданий. Среди рабочих носятся слухи, будто скоро царь отнимет у хозяев фабрики и разделит ими рабочих; что рабочие будут переведены на государственное жалованье. Около лиц, участвующих в зубатовской эпопее, складываются целые легенды. Про Слепцова идет молва, что он побочный сын Александра II и что 19 февраля произошла при всем народе трогательная встреча между ним и Сергием Александровичем.

Но долго так продолжаться не будет. Фабриканты шлют Витте жалобу за жалобой и если в настоящий момент возбуждения рабочих масс правительство ради своей безопасности заигрывает с рабочими, — то уляжется народное море, и вся сила полицейского самодержавия пойдет на защиту собственников от «незаконных» притязаний рабочих.

* На что Охранка готова, чтобы привлечь к себе сердца рабочих, показывает следующий случай: как-то несколько рабочих наскандалили. Был составлен протокол, и мировой судья приговорил их к 16 руб. штрафа каждого. Адвокаты, к которым обратились за помощью рабочие, ответили, что ничего не поделаешь — надо платить или отсидеть. Но рабочие добрались через кого-то до Охранки, и та уплатила наложенный штраф. а околоточный, осмелившийся составить протокол, был переведен в другую часть.

начертал следующую резолюцию: „Возмутительный по своей дерзости случай. Желал бы знать, по какой причине такая компания поднадзорных лиц находилась одновременно на службе в Полтавском земстве“.

Основываясь на этой «резолюции», министр заключает, что распоряжение его предшественника должно остаться в силе, и прошение высланных полтавцев удовлетворено быть не может.

Так иронизировал Сипягин над своим предшественником, над русской законностью и над самой высочайшей волей. Что предшественник нарушил все законы, исполнение которых при обыкновенных обстоятельствах «безусловно обязательно», он согласен. Чтобы в 1898 г. в Полтаве были «чрезвычайные обстоятельства», он удостоверить не может и тем самым удостоверяет, что по его мнению ничего там чрезвычайного не было, тем не менее следует признать, что было, так как Горемыкин доложил о своей злой проделке высочайшему усмотрению, и оно не только не отменило ее, а еще начертало что-то, тоже довольно злое, почему-то именуемое «резолюцией».

* * *

Эта маленькая картинка поражения Сената, пытавшегося отстоять «Положение об усиленной охране» в каче-

Нижний-Новгород. Май.

«Последнее время мы, нижегородцы, живем нелегальными новостями. Недавно здесь хоронили студента-ветеринара Рюрикова. Он умер от разрыва сердца. Хоронили его на четвертый день, потому что на третий день не разрешил прокурор, боясь стечения рабочих по случаю праздника (воскресенье 22 апреля). В церкви были почти все нижегородские интеллигенты и сочувствующие. Один из присутствовавших прочел задушевное надгробное слово, называя умершего борцом за свободу, и высказал надежду на скорое освобождение русского общества от административного произвола. Почти то же было сказано кем-то на могиле. Когда зарывали могилу, молодежь пела вечную память и студенческие песни, а по выходе с кладбища — марсельезу. У церковных ворот толпу уже ожидала свора человек в 50 полиции. Сплотившиеся были переписаны. Теперь начались опять обыски и аресты».

Борьба с крамолой во флоте.

Чтобы бороться с врагом, полезно знать и то, что враг о нас думает и как о нас говорит. Мы думаем поэтому, что не без пользы можно будет читать и разъяснять в кружках нижеследующий документик:

Приказ № 27.

Старшего флагмана Черноморской флотской дивизии.

Апреля 19 дня 1902 г.

В последнее время часто находят разбросанными повсюду противозаконные, возмутительные листки, попадающие иногда в руки нижних чинов. Эти листки клеветают на Правительство, призывают народ к непослушанию властям и самовольным действиям. Распространять эти писания есть самое бесчестное дело, потому что ими сеется смута в умах, часто ведущая к беспорядкам, нетерпимым ни в каком государстве. Сами эти писатели и распространители листков, прячущиеся, как душегубы, от людей, выходят сухими из воды и со сторонылюбуются на расправу с несчастными, поддавшимися необдуманно их безбожным, бессовестным наущениям. Русское государство стоит не

стве последнего палладиума русских вольностей, так комически рельефно обрисовывает всю беспардонность нашего самодержавия, что производит впечатление карикатуры. Но рядом с увеселительной стороной оно заключает в себе и некоторое нравоучение, правда азбучное, но в настоящий момент, пожалуй, и не бесполезное. Не от жандармов только и не от одних нововременцев русским революционерам приходится слышать по временам, что именно они-то и мешают правительству вести себя прилично, что своими крайностями они препятствуют умеренным людям испрашивать умеренные реформы и т. д.

Из всех лет, какие, начиная с половины девятых годов, переживало русское правительство, 1898 г. был для него самым спокойным. Таких благополучных годов — мы на это твердо надеемся — самодержавному правительству уже никогда не видать. Беспокоившие столицу массовые стачки с начала 1897 г. прекратились, а массовых студенческих протестов, с которых начался новый, обостренный период революционного движения, осенью 1898 г. нельзя было еще и предвидеть. Нелегальные издания, продолжавшие попадаться в руки жандармов, были в большинстве случаев «чисто-экономическими», и именно в этом году часть таких изданий приняла даже

со вчерашнего дня, чтобы можно было его перестроить; оно слишком сильно, чтобы не терпеть в себе никаких смут, беспорядков и самовольства, посеянных непризванными благодетелями — лукавыми смутьянами. — Не должно, не следует слушать этих бессовестных проповедников, так как мы, христиане православные, имеем руководство в жизни божий закон, которому мы с детства научены, что — «всякая душа да будет покорна высшим властям: ибо нет власти не от бога; существующие же власти от бога установлены. Посему противящиеся власти противятся божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от нее: ибо она не напрасно носит меч: он божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надо повиноваться не только из страха, но и по совести» (Посл. Римл., XIII, ст. 1—5). И до тех пор, пока русский народ будет верен господу богу своему в церкви православной, будет попрежнему чтить своего царя-государя и слушаться поставленных от него властей, русское государство будет попрежнему же сильно, могуче в своем единстве, которому никакой враг страшен не будет. Внешние, заграничные враги нашей родины не дремлют и прилагают всевозможные старания так или иначе ослабить наше отечество: одни, чтобы церковь божию, главную силу Руси, выкурить из народа, оторвать народ от нее, и увлекают слабых в штунду и всякие другие ереси, другие — смущают умы людей всякими незаконными подметными листками и другими гнусными сочинениями, при помощи наших изменников, растравляя неудовольствия и призывая прямо к бунту против государственного порядка, обещают свободу, но какую? Свободу разнузданности, самоуправства, непослушания власти. Но такая свобода ведет к тяжкому греху, нужна же свобода от греха, о чем непосредственно молит бога православный народ и всячески трудится в своей жизни, чтобы спасти душу от греха. Всем этим зловредным людям, так настойчиво сеющим смуту, нужно же жить на какие-нибудь денежные средства. Деньги же нужны и на разбрасываемые листки. Откуда же, как не от заграничных друзей своих, врагов нашего отечества, получают ими эти средства? Итак, эти смутьяны являются верными слугами наших врагов, для которых весьма удобно находить среди наших недоучек и безбожников изменников своей родине и при страшном старании

насаждать на Руси всяческие беспорядки и беззакония. Стыд и позор русским людям, что среди нас находятся такие гнусные изменники на вражеском содержании, тем более гнусные, что в своих преступных листках и тетрадках представляют себя заботящимися о благе народном. О, лицемеры лукавые! Из беспорядков и бунтов, проповедуемых ими, ничего вырасти не может, кроме нечестия и бедствия для самих бунтовщиков. Они-то, проповедники бунтов и непослушания, может быть и останутся целы, а увлеченные ими вынесут на себе все бедствия своего увлечения... Иначе и быть не может. Если считать их, изменников-смутьянов, десятками, даже сотнями, то на каждую сотню их останется сотня тысяч честных, благоразумных христиан, которым тошна всякая смута ихняя, и не допустит к себе учителями этих изменников в своему отечеству, от научений которых вырастают только одни бедствия. Следовательно, все тайные листки, тетрадки, книжки, что бы из этой пагубы ни попало в руки, представлять начальству, не читая, чтобы не грязнить своего ума этой нечистой безбожной. А если бы пришлось встретить самого такого смутьяна — сейчас же задержать его и представить начальству в целости. Приказ этот раздать по экземпляру всем нижним чинам дивизии; находящимся в отлучке и в командировках выдать по возвращении их в наличие экипажа и команды.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

Виде-адмирал Гильтебрандт.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

В Новгородской губ. крестьяне, не обращая внимания на новый продовольственный устав, придуманный Сипягиным, самовластно разбирают в настоящее время хлебные магазины. Такие случаи приобрели массовый характер в уездах Кирилловском, Белозерском и других. Около 1 мая были такие случаи и в Новгородском уезде (Раковской волости, деревни Сергово и Заолесье). Крестьяне этих последних деревень еще в марте ходатайствовали у земского начальника Меркулова о выдаче ссуды на семена. Меркулов не разрешил и уехал в отпуск. В апреле крестьяне, в числе 150—100 человек, ходили к губернатору просить ссуду и даже вели довольно грубые и решительные разговоры с ним: «Чего же не даешь? Мы ведь не будем и подати платить!» — говорили они. Воз-

тот антиполитический характер, который теперь, когда честная литература этого направления почти перестала появляться, зубатовцы пытаются возродить для своих бесчестных целей. И вот в такое-то благополучное время 27 лиц выразили свое негодование сослуживцу-доносчику. Сделали они это в самой легальной и умеренной форме. Не побили они Налимова, не устроили ему публичного посрамления, а только доверчиво известили в закрытом письме, что не считают его товарищем и отказываются от солидарности с ним. Никакого выражения «противоправительственного образа мыслей» в письмах нет. Подписавшиеся вовсе не отрицают обязанности Налимова заботиться о том, чтобы нелегальные брошюры не попадали в руки учеников, они утверждают только, что у него были для этого средства, кроме доноса. Письма не выражают ничего, кроме отвращения к доносчику, но это чувство так всеобщее, что исключением являются люди, которые его не испытывают. Доносчик слишком близко соприкасается с предателем и его историческим прототипом Иудой, слишком напоминает собою шпиона, а все эти звания считались и считаются позорными чуть ли не на всем земном шаре, — тем более в России, где доносчик может сделать своей жертве всего больше зла. Царь может и не знать этой элементарной истины —

ведь их так «дурно воспитывают» — и по всему вероятно он ее действительно не знает, иначе не брался бы так торжественно с жандармами. Но министры к царской фамилии не принадлежат и, конечно, знают, если не по воспоминаниям молодости, то хоть по наслышке, что отвращение к доносчикам свойственно не одним революционерам.

Не содержание письма возмутило министра, а единственно и исключительно недостаток страха и трепета в полтавцах их «крайняя дерзость», как он выражается. «Возмутительный по своей дерзости случай», вторит ему самодержец. Именно «дерзость» — любимое слово сердитых барынь, бранящих прислугу. В своем стремлении искоренить «дерзость» и водворять трепет всякий деспотизм всегда ненасытен, за каждой степенью приниженности существует еще большая, к которой по самой природе своей он должен стремиться. Иллюстрацией к этому может служить история постепенного разращения и принижения учительского персонала наших гимназий. В шестидесятых годах звание учителя гимназии по меньшей мере настолько же ручалось за порядочность, как теперь занятия статистикой. За исключением вывезенных из Австрии братушек, учителя также и в 70-х годах были в огромном большинстве случаев

вратившись от губернатора, крестьяне потребовали ключи от магазинов у старосты. Тот, не имея ключей, послал за ними магазинного. Тогда крестьяне составили приговор и список, кому сколько дать, и распределили хлеб сами. Чтобы прикрыть это дело, уездный съезд дал разрешение крестьянам задним числом.

В Демьянске (Новг. губ.) были расклеены прокламации (в городе и уезде) на телеграфных столбах, приглашавшие бить помещиков.

Из Обоянского у. (Курск. губ., от 28 апреля 1902 г.)

...«Весть о разгроме заводов несется с удивительной быстротой (речь идет о полтавских и харьковских волнениях). Тут много толков. Говорят, что в заводы являлись студенты, переодетые генералами в орденах, читали царские грамоты и этим убеждали народ в том, что они посланы от царя, чтоб он поднимался. Из других волостей идут слухи о получении там каких-то подметных писем и грамот. Народ ждет чего-то. Посмотрите, вот через пять лет что будет...». Случилось совпадение. В нашем уезде в одно время была продана 4-мя помещиками земля крестьянам. Последние решают, что это не просто паны землю продают; «боятся...». Среди торгового люда такое мнение, что Сипягина убил торговый человек, так как казна и земство всю торговлю по его милости забрали и торговцам ущерб большой... Одна старая помещица была очевидицей полтавской порки и хоть она крепостница, но и то ужасалась, что «крестьян обращали в куски мяса, которые бросали на телеги». Она вероятно преувеличивает, что по 200 розог давали... Яичники, коновалы и пр., которых ремесло заставляет путешествовать, служат невольными распространителями вестей и легенд. Говорят, будто бы в 15 верстах от нас проводили 2-х студентов, которые разговаривали с народом и оповестили его, что поднявшиеся идут, будут и на наших сахарных заводах. Будто, проходя, они спрашивают: «Чья земля?» Если скажут: «Помещицья и сдается крестьянам», идут мимо, а если: «Сдается под бураки», — погром...»

Из Льговского уезда (Курск. губ., от 16 мая).

«На многолюдном сахарном заводе близ ст. Иванино Моск. К.-В. ж. д., принадлежащем Баховскому и гр. Клейнмихелю, напряженное и томительное ожидание, что вот-вот разразится гроза. И рабочие, и крестьяне, и служащие завода в нервном напряжении. Все ждут, что кто-то придет и даст сигнал к разгрому. Служащие уложили серебро и приготовились покинуть завод при первой тревоге. К одному из администрации приходит лакей, долго служивший у него, и просит расчета. „Почему?“, удивляется господин. „Да неловко как-то служить, — запинаясь отвечает слуга, — скоро против вас же придется итти...».

Из Обоянского уезда (Курской губ., от 10 мая 1902 г.).

...«Ждут с трепетом (крестьяне с трепетом надежды, а землевладельцы — страха) — „что-то будет“. Подбрасываются письма, „грамоты“, устрашающие и обещающие... Между крестьянами циркулируют разные легенды... Одно письмо обещает нашествие на завод в нашей местности на 21 мая, а также и на тех владельцев, которые отдадут землю под бураки. „Раздевать будут“ (следуют прозвища помещиков, „разносить“ (именуются усадьбы). Одни говорят: „Придут студенты“, а другие: „разбойники“. — „Ну, а вы пойдете громить заводы?“ — спрашивают одного. „Нет, а то выпорят, как в Полтавской губ.“ Ждут, что сделается что-то чужими руками. Студентам приходится какое-то мистическое понятие, а что такое в самом деле студент — ровно ничего не знают. Потом твердее убеждение, что письма идут от царя, хотя их находили в лесу и за околицей сел. А то ходили слухи, что „царь за господ, а землю хочет делить царица“. Рассказывают, что кем-то была поднесена икона царю, „а оказались в ней два неприятеля захованы (спрятаны), такая большая“... И что предупредил об этом государя святой человек и „расстреляли ту икону“. Помещики иные такого труса празднуют, а также и служащие на заводах, что на конюшнях, все равно как в пожарной части, лошадей наготове держат...»

По циркулирующим в Курске слухам, в Белгородский уезд вызваны войска. На 16 мая были назначены (?) беспорядки на Глушковской суконной мануфактуре Рыльского уезда. Ходят слухи, что неспокойно в Льговском и Суджанском уездах... В виду тревожного настроения

совершенно неспособны заниматься сыском, и между ними было еще немало людей, о которых ученики сохраняли самые добрые воспоминания. Из недавних разоблачений все увидели, до какой степени развращения и принижения был доведен весь состав гимназического начальства в период «умиротворения». О протестах против исследования политической благонадежности гимназистов и их родителей давно уже не было и речи, но правительство все еще продолжало совершенствовать свое орудие, находя уже подозрительным, почти «дерзким» простое уклонение от активного участия в сыске. Общество всегда ненавидело эти гимназии и высказывало свою ненависть, поскольку могло, не прибегая к рискованным средствам. Но в мирные времена ненависть «либералов» к какому-нибудь учреждению всегда служила его лучшей рекомендацией. «Голосом общественного мнения» правительство руководствуется, да только в обратном смысле. Теперь господствовавшая в гимназиях система, наконец, разбита и после целого года публичной выставки к позорному столбу, за которой жадно следили, конечно, и гимназисты всех классов и родители всех званий, она уже не может быть восстановлена в прежней красе, несмотря на угрозы высочайшего рескрипта «подобрать в воспитатели лучших людей». Но вся честь этого дела

принадлежит исключительно студенчеству. Смелостью и упорством своих протестов, встретивших поддержку в рабочих, своим презрением к «легальности», своей революционностью, одним словом, студенты воочию доказали правительству, что все его педагогические труды последних десятилетий дали результаты, как раз противоположные намеренным, и из лабораторий, специально устроенных для приготовления отупелых лакеев, снова вышло поколение бесстрашных борцов. Правительству, держащемуся, по его же собственному убеждению, одной запуганностью населения, только и страшен, что рост бесстрашия. Оно отлично знает, что в стране, где нет законов, обязательных для администрации, не может быть и безопасной, легальной, оппозиционной (в противоположность революционной) борьбы как с правительством, так и с малейшим из его агентов. Ведь полтавцы не нарушили никакого закона, и самое большее, что могло бы их постигнуть по законам хотя бы и Российской империи, — это жалоба Налимова мировому судье на оскорбление его в частном письме. Из этого ничуть не следует, конечно, чтобы мы не считали полезным всякие проявления «дерзости» русских обывателей, даже умеренно либеральные, к которым письма полтавцев мы не причисляем. Следует из этого другое.

крестьян, отправившиеся на исследование в Корочанский уезд статистики земской управы по распоряжению губернатора возвращены в Курск.

Курский исправник разослал циркулярное распоряжение сельским старостам и волостным старшинам, в котором предписывается крестьянам немедленно доставлять по начальству всех лиц, которые будут требовать созыва сельских сходов, хотя бы эти лица были одеты в форменное платье и представляли документы и удостоверения в праве своем созывать сход. Исключения допускаются только для чиновников, лично известных сельским властям.

По другим слухам (из комп. источн.) по губернии издано распоряжение созывать сельские сходы только с ведома и распоряжения земских начальников.

В феврале текущего года крестьяне села Майдан, Инсарского уезда, Пензенской губернии, все поголовно заявили сельскому начальству, что платить подати они больше не будут. Побудили их к этому следующие соображения. Во-первых, положение крестьян очень бедственное, вследствие чего платить установленные для них громадные подати они не в силах. Чтобы выплатить подати, крестьянам приходится продавать последний хозяйственный скarb, сводить со двора последнюю овцу, корову. С другой стороны, на Руси много богатых людей: помещиков, купцов. С них нужно требовать больше податей, чем с бедняков крестьян. В действительности же они почти совсем освобождены от налогов. Такие порядки крестьяне считают несправедливыми и поэтому подчиняться им не желают. Во-вторых, крестьяне совсем не знают, куда, на какие дела идут собираемые с них трудовые денешки, «может быть на худые дела?»

Эти соображения были представлены крестьянам сельскому начальству, которое тотчас же дало знать о случившемся земскому начальнику, становому, исправнику. Последние явились, созвали сельский сход и пытались на нем сначала угрозами, а потом «мягкими просьбами» убедить крестьян отказаться от его решения и платить подати. Но ни угрозы, ни «мягкие просьбы» не произвели на крестьян никакого впечатления: они непреклонно стояли на своем. Тогда была послана пензенскому губернатору телеграмма с запросом, что делать с крестьянами. Губернатор приказал пустить в дело силу. Становой, исправник собрали со всего уезда урядников, вооружили их палками, подпоили их водкой, не надеясь, что в трезвом виде они

исполнят в точности их приказания, и явились с этой шайкой в злополучное село. Попытавшись еще раз образумить непокорных и не достигши и в этот раз своей цели, начальство приказало урядникам тузить и хлестать крестьян. Крестьяне не сопротивлялись. Они спокойно переносили сыпавшиеся на них удары — они говорили: «Мы стерпим, но платить подати не будем». Снова послана телеграмма губернатору, и на этот раз губернатор явился сам в село с жандармами и ротой солдат. Сельчане были созваны на сход. Губернатор потребовал, чтобы крестьяне выбрали из своей среды несколько человек для переговоров, так как говорить сразу со всеми нет никакой возможности. Крестьяне отказались сделать это, заявив: «Мы знаем, что вы с ними сделаете, вы арестуете их». Тогда губернатор дал им слово, что он не арестует их выборных крестьян и будет беседовать с ними в присутствии всего схода. Крестьяне подались... Из толпы выступило несколько человек, но едва они сделали это, как на них набросились жандармы, окружили и повели было в хату. Крестьяне, видя, как они гнусно были обмануты, бросились на жандармов и освободили своих товарищей. Губернатор рассвирепел. Он приказал солдатам готовиться к бою, а крестьянам заявил: если они не выдадут своих товарищей-зачинщиков и если в знак этого не станут на колени, то он сейчас же прикажет солдатам стрелять... Солдаты приготовились, еще момент — и десятки ни в чем неповинных людей погибли бы... Но шесть товарищей не захотели губить людей... Они сами добровольно вышли и отдались в руки властей, а крестьяне стали на колени... Так кончилась эта первая попытка крестьян бороться...

В селе Ключевке, Пензенской губернии, Инсарского уезда, крестьяне, недовольные своим хищником попом, несколько раз жаловались на него архирею. Эти жалобы не имели никакого успеха, и поп продолжал сидеть на своем теплом местечке и обирать крестьян. Тогда они решились удалить его из села сами силой; поп узнал об этом замысле и донес об этом земскому начальнику; последний присудил к трехдневному аресту при волостном правлении 176 крестьян. — Возбуждение в селе против попа и начальника громадное.

В деревне Васильевке (Полт. губ.) проживают помещики Чесноки — земский начальник с семейством. Чесноки владеют имением дес. в 500, при чем землю сдают в аренду. Люди они добрые, благожелательные и пользуются уважением местных крестьян, которым никогда не

Не далеко, вероятно, то время, когда правительство, потеряв надежду рассажать по тюрьмам, запугать или истребить своих непрерывно умножающихся врагов, почувствует — выбирая из двух зол меньшее — некоторую склонность «прислушиваться к голосу общественного мнения» и на этот раз уже не для того только, чтобы сделать диаметрально противоположное его требованиям, а чтобы, полакомив кое-какими обещаниями, заставить кричать против крайностей революционеров и прославлять «благие намерения правительства».

Так вот, если «умеренность» к чему-нибудь «обязывает», так именно к тому, чтобы всегда знать, а в такой момент в особенности не забывать, что в деспотическом государстве легальная оппозиция не может иметь ни малейшей самостоятельной силы, за отсутствием тех законов, на которые она могла бы опереться; что тот минутный фавор, в который она попала, зависит единственно и исключительно от контраста с крайней смелостью и стойкостью людей, борющихся революционными средствами; что если бы замолкли революционные голоса и умеренность осталась наедине с недобитым самодержавием, ее собственный голос тотчас же снова показался бы ему «дерзким» и требующим строгих мероприятий. А помня все это, либеральным людям, серьезно желающим раз на-

всегда покончить с самодержавием, пришлось бы признать, что в интересах своего дела им следует не противопоставлять себя революционерам в качестве самостоятельной силы, не собираться удерживать их от «крайностей и насилий», а помогать им всеми сообразными со своей умеренностью средствами. Мы предполагаем, конечно, такую умеренность, которая заключается не в принципиальном отрицании правомерности нелегальной борьбы с непризнающим законов правительством, а в личной неспособности к «военной службе», к слишком опасной революционной деятельности. Но в революционной борьбе, как и в обыкновенной войне, для успеха военного дела нужна масса штатской работы по снабжению армии оружием, провиантом, квартирами и сведениями, не говоря уже о Красном Кресте. В настоящее время именно эта часть освободительной работы выполняется всего хуже. По сравнению с семидесятью годами действующая армия выросла бесконечно, а штатская помощь, уменьшающая опасность революционной работы и увеличивающая ее производительность, едва ли достигла даже тех размеров, какие имела тогда.

[В. Засулич]

отказывают ни в помощи, ни в совете. Когда вспыхнуло крестьянское движение, васьильевцы получили подметное письмо, в котором говорилось, что такого-то числа Чесноковская усадьба будет подвергнута разгрому. Получив письмо, васьильевцы немедленно поделились его содержанием с Чесноками, соседям же крестьянам заявили: «Нашего пана не троньте, его в обиду не дадим; а если сунетесь, то вас самих возьмем в колья». Усадьба встревожилась. Хозяева метались по комнатам, укладывая пожитки. Пошли слезы, жалобы, истерики и пр. Сам же Чеснок решил: «Ну придут, так придут», и приказал приказчику отпереть амбар. Сидят — ждут. Приходят бунтари. Васьильевцы еще раз заявили, что громить Чесноков не дадут, как-то поладили с бунтарями, и вместе с ними, оставив усадьбу в покое, пошли и разгромили лежавшее недалеко от Васьильевки целое гнездо помещичьих усадеб.

А вот иная картина:

В д. Ковалевке, Полтавского же уезда, после обедни крестьяне предложили священнику громогласно прочесть прокламацию. Священник отказался, и тогда ковалевцы, вытаскив бедного пастыря из церкви, тут же в ограде избили его, приговаривая: «А, так ты за панов, заодно пьете нашу кровь. Нет, будет, довольно панствовали вы, пора и нам пановать!» Еле, еле отлежался священник в больнице. Настроение крестьян сказывается даже в мелочах:

У шлагбаума крестьянский обоз с'ехался с помещичьим экипажем. Прежде, чем пропустить помещика, как это полагается по деревенскому этикету, обоз проехал вперед, при чем возчики иронически замечали: «Прежде вы были паны, а теперь наш черед пановать...»

Из Орловской губернии.

Место действия захолустная деревня Шепелевка, Кромского уезда. До освобождения крестьян Шепелевкой искони владел старинный род дворян Шепелевых. Не так давно умер последний отпрыск фамилии, и помещичья земля перешла к новому владельцу. В начале апреля на сельском сходе шепелевцы всем миром постановили приговор: так как-де шепелевской землей с покон веку владели они, шепелевцы, то земля — их крестьянская собственность, и новому владельцу землей пользоваться они не позволят. Губернское начальство очень встревожено этим фактом, помещик же думает продать землю крестьянам. Кстати сказать, по слухам, в Кромском уезде были распространены прокламации.

Из Курской губернии.

В слободе Николаевке, Суджанского уезда, кем-то из крестьян была получена революционная брошюра. Брошюра была прочитана на сельском сходе и возбудила массу разговоров и толков. Нет ничего удивительного, что о получении брошюры узнал суджанский исправник, и вот в один прекрасный день «хозяин уезда», в сопровождении орды полиции, прибыл в Николаевку на розыски «преступной книжки». После долгих поисков брошюра об'явилась и с торжеством была отвезена в Суджу, а огорченные мужички почесывали затылки и толковали, что видно в книжке правда написана, если сам исправник приехал за нею и поднял такую бучу. Потолковали и решили: надо итти к исправнику книжку назад требовать. Надумали и сделали: перед временной квартирой исправника в селе Николаевке вскорости после увоза книжки собирается толпа николаевцев, человек 100—150. Выходит исправник: «Что вам, ребята, надо?» — «Да вот, вашескородие, книжку вы у нас взяли... Так мы за книжкой пришли. Отдайте нам книжку». Принялся исправник урезонивать крестьян. «Книжка, — говорит, — лживая, если станете поступать по книжке, так худо вам будет: пошлют на вас солдат, станут вас сечь, а, глядишь, и перестреляют малость». Не слушают крестьяне исправника и стоят на своем: «Отдай книжку, а там видно будет»... В конце концов, исправник настоял на своем, и крестьяне вернулись по домам с пустыми руками, еще более уверенные в том, что свободное слово несет с собою правду и свет, которых так боится начальство.

Гг. либеральные буржуа! Темные николаевцы сделали попытку постоять за свободу печати.

Способны ли вы на такую попытку?

ПОСЛЕДНИЕ СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

5 (18) апреля навсегда сохранит печальную память в летописях Финляндии. В этот день в ее столице произошло зрелище, немислимое до сих пор в этой культурной стране, в которой в течение почти целого столетия вековая финляндская конституция сдерживала дикий произвол российского самодержавия. 5 апреля ознаменовано первым в Финляндии избиением безоружных граждан разъяренными казаками, которые, не разбирая ни возраста, ни пола, «работали» своими нагайками во славу самодержавия так же усердно, как постоянно действуют у нас в России царские опричники. Это азиатское побоище является самым красноречивым доказательством преступности всей возмутительной «обрусительной» политики русского правительства, которую оно ведет с конца 1898 г., и оно находится в теснейшей связи с новым так называемым «законом» о «воинской повинности», утвержденным, вопреки основным законам, без согласия финляндского сейма царем-клятвопреступником 29 июня (12 июля) 1901 года. Поэтому, прежде чем перейти к описанию апрельских событий, мы находим нелишним в нескольких словах познакомить читателя с отношением финского народа к этому административному декрету, грубо попирающему финляндскую конституцию.

Еще чрезвычайный сейм 1899 г., созданный для рассмотрения законопроектов г. Куропаткина, в своем мужественном ответе, который самодержцу совершенно незаконно «было благоугодно оставить без последствий», вполне определенно указал, что изданный административно новый закон о воинской повинности, в правовом отношении не может быть признан действительным, а в глазах финляндского народа покажется лишь насилием. Законные представители народа, как доказывают события последних месяцев, не ошиблись. Мы не будем здесь останавливаться на самом «зако-не», достаточно ясно комментированном во внушительном протесте-адресе финского народа, который был опубликован в № 11 «Искры». Мы укажем лишь, что в силу этого незаконного постановления были упразднены все финские войска, за исключением финского гвардейского батальона, и что в ближайшем будущем последуют неограниченные законом призывы новобранцев в русские войска, в которых их ожидает обращение, какое подобает не с свободным гражданином, а жалким рабом тирана. Всем известно грубое отношение «всероссийского самодержца» к благородному адресу финского народа, покрытому 473.363 подписями: он в «неизреченной милости» решил оставить этот могучий всенародный протест без внимания. Так «милостиво» царь отнесся к подобному адресу финляндцев и всем адресам наиболее выдающихся представителей науки и искусства всей Европы 1899 г. Упомянутый адрес прекрасно характеризует взгляд финского народа на «преступный закон», в котором он вполне справедливо лишь видит акт насилия. Такое же отношение он встретил к себе со стороны многих пасторов, приходов, городских и сельских общин и, наконец, самих призываемых к отбыванию воинской повинности. 16 пасторов, несмотря на всякие угрозы и увещевания епископа, наотрез отказались обнародовать в кирках «закон» клятвопреступника; теперь эти пасторы лишены в наказание своего жалования сроком от 1 до 3 месяцев. Прихожане в очень многих церквях не допустили обнародования царского манифеста. Особенно грандиозных размеров этот народный протест достиг в маленьком городке Ловизе и в Гельсингфорсе, где 3-го и 10-го (16-го и 23-го) февраля попытался прочесть «закон», отправленный архиепископом во все кирки, в которых пасторы отказались исполнить беззаконие, отставной пастор Хальме. В Гельсингфорсе в эти дни самым возмутительным и вызывающим образом вела себя полиция, схватывавшая многих лиц и тащившая их в участки без малейшего повода с их стороны. Гельсингфорский суд приговорил трех полицейских башибузуков к аресту от 1 до 3 месяцев, а генерал-губернатор Бобриков выразил этим господам свою особую благодарность, незаконно же занимающий пост ньюландского губернатора генерал Кайгородов обещал в крайнем случае у царя выхлопотать освобождение от наказания. В нынешнем году призыв в виде особой милости царя происходит, по наглому уверению правительства,

согласно с законом 1878 г., но это грубейшая ложь, так как многие постановления этого закона постоянно нарушаются. В силу «неизреченной монаршей милости» в нынешнем году на активную военную службу будет принято всего 280 финляндцев, которые все поступят в финский гвардейский батальон. Подобные облегчения «монарх» обещал делать в течение так называемого переходного времени. Однако, и этой «льготой» ему не удалось обмануть финский народ, что красноречиво доказал, между прочим, отказ городских и сельских общин (общее число которых в Финляндии достигает 513) избрать членов в призывные по воинской повинности присутствия, при чем не подействовали угрозы губернаторов совершенно незаконными штрафами. Последние прибегли к такой странной мере по секретному предписанию финляндского Сената. Здесь уместно сказать несколько слов вообще о положении «финляндского местного правительства». Сенат в настоящее время после выхода половины всего числа его членов в отставку в 1900 г. вследствие отказа обнародовать незаконные «законы» и «высочайшего» увольнения осенью 1900 г. 4 лучших его членов, осмелившихся протестовать против царского «закона» о воинской повинности, состоит из людей самых слабых, продажных и даже настоящих изменников. Поэтому вполне понятны, с одной стороны, уступчивость Сената при исполнении различных «предназначений» Николая II и его агентов в Финляндии, а, с другой стороны, та ненависть и презрение, которые питают к Сенату все честные финляндцы. Это славное учреждение в угоду царю и его наглым сподвижникам пытается всячески обходить и нарушать финляндские законы. По инициативе Сената состоялось «высочайшее» постановление о действительности состава призывных по воинской повинности присутствий и без выборных общинами членов.

2 (15) апреля, наконец, открыли свои заседания оригинальные «присутствия». Бобриков заручился «правом» удерживать на службе офицеров и врачей упраздненных финских войск, чтобы насильно пользоваться их услугами в заседаниях этих присутствий. По имеющимся за первую неделю сведениям о 40 призывных присутствиях, в 8 не явилось ни одного человека, в 7 общинах вовсе не состоялось заседаний, в 1 общине все призываемые, представив резкий письменный протест, удалились. В большую часть присутствий явился незначительный процент призываемых. Так, например, в Гельсингфорсе из 870 оказалось в присутствии 57, при чем из студентов явилось 2 (один сын сенатора Генетца), на медицинский осмотр прибыли всего 38; в Таммерфорсе из 327 явилось всего 25, в Бьернеборге из 120 — 20 и т. п. Подобный процент явившихся замечался во многих сельских общинах, что красноречиво говорит о взгляде самого «народа» — крестьян.

Чтобы правительству не оказаться в очень уж некрасивом положении, мудрые советники самодержца научили его прибегнуть к комическому манифесту, в котором причины стойкого поведения призываемых объясняются «ложными слухами», установленный срок призыва удлиняется и, наконец, приводится курьезная угроза: «уклонение от призыва приведет нас к убеждению, что установившийся в течение истекшего столетия порядок управления Финляндиею не обеспечивает спокойного течения государственной жизни и повиновения властям». Для такой явной лжи требуется из ряда выдающееся нахальство: этот «порядок» уже 4-й год самодержец ежедневно нарушает, и на него теперь он сваливает мнимую вину!! От этого порядка уже и теперь осталось крайне немного, так что клятвенному обещанию не в чем будет убеждаться. Этот акт насилия до сих пор, по крайней мере, не имел особенного эффекта в Финляндии. По полученным сведениям с 1-го по 7 мая (нов. ст.) около 50 призывных присутствий, в которых заседания происходили уже после обнародования манифеста от 7 (20) апреля, в 15 присутствий никто не явился, в 7 все призываемые после принесения протестов демонстративно удалились, в большей же части присутствий по-прежнему являлся лишь незначительный процент. Правительство могло бы уже убедиться, что в Финляндии оно далеко не уйдет со своими незаконными.

В Гельсингфорсе 4 и 5 апреля происходили заседания «присутствий». За отказом в помещении это присутствие

открыло свои заседания скромно в гарнизонном манеже и в казармах гвардейского батальона. В первый день многочисленная публика выражала свое негодование свистками, насмешливыми возгласами и пр., которыми она провожала явившихся в присутствие. Полиция вела себя самым вызывающим образом. Между прочим, особенно отличался приговоренный судом к тюрьме комиссар Кайтокангас, которого от ярости публики, бросавшей в него камнями и кусками льда, спас помощник полицмейстера Максимов, и бравый комиссар пустился в бегство на извозчике. 5 апреля снова собралась на казарменной площади многочисленная толпа, которую в этот день вывела из терпения дикая выходка одного жандарма, начавшего без всякого повода действовать шашкой. Он сначала поранил одного финского рабочего, а потом угодил в лицо упомянутому Максиму. Между тем по Гельсингфорсу распространился слух, что Сенат накануне откомандировал в «присутствия» русских военных врачей, что является грубым нарушением финляндской конституции, которая допускает на финляндские должности назначение одних финляндских граждан. Поэтому публика начала собираться на огромной Сенатской площади, к 3 часам, когда сенаторы выходят из Сената, чтобы протестовать против поведения этих изменников. Лишь 3 сенатора осмелились отпавиться домой. Их многочисленные граждане встретили свистками и криками. Толпа между тем быстро росла. На Сенатской площади полиция с полицмейстером, крайне темной личностью, Карлстедом во главе, лишь раздражала публику, не перестававшую свистать и кричать. На увещание Карлстеда «во имя государственного закона» разойтись раздались крики: «У нас нет больше закона!» Не имели успеха и нападения полиции с шашками наголо на публику, встретившую ее камнями и снежками. Около 4-х часов вдруг прибыла сотня оренбургских казаков, вызванная губернатором Кайгородовым. Мы не будем подробно описывать все бесчинства храбрых воинов, избивавших нагайками безоружных людей с некоторыми перерывами до 9 часов вечера. Кайгородов, сидевший верхом на лошади и окруженный несколькими русскими офицерами также на лошадях, руководил этим побоищем. Казаки, по своему обыкновению, били всех подвернувшихся им людей: они избивали многих женщин и детей; сгоняли публику нагайками со ступеней Николаевского собора, университета и памятника Александра III; они с особым рвением истязали сбитых ими с ног людей, которые уже не могли обороняться. Многие казаки даже преследовали со своими нагайками лиц, спасавшихся в какие-либо здания, и здесь продолжали свои подвиги. На просьбы некоторых уважаемых граждан отослать казаков Кайгородов давал самые цинические ответы и, между прочим, сваливал всю вину на какого-то сенатора, вызвавшего будто бы казаков. Пока мы оставляем вопрос открытым, виновны ли какие-либо сенаторы непосредственно в избитии мирных граждан. Избитых 5 апреля очень много. В хирургическую клинику в этот день обратилось 13 человек, из которых один был тяжело ранен; многим же оказали медицинскую помощь частные врачи. Из «блуждителей порядка» также ранено несколько человек. Все зверства казаков не могли удалить публику, которая добровольно разошлась лишь после отъезда опричников. Кайгородов вызвал, кроме казаков, вечером 4 роты войска, которые, однако, не были пущены в ход. Возмутительная тактика губернатора, разумеется, не могла водворить порядка в стране, в которой до последнего времени все граждане сами поддерживали образцовый порядок. В следующие за 5 апреля дни порядок был водворен увещаниями уполномоченных и других граждан, а отнюдь не угрозами Кайгородова и бессмысленным вызовом войск из других городов. Орган генерал-губернатора поспешил опубликовать ложные «официальные» сообщения об этих событиях; также во многих иностранных газетах появились, благодаря стараниям гг. обрусителей, самые нелепые известия. Любовь финляндцев к порядку доказывает лучше всего следующий факт: по предложению городских уполномоченных, вызвались охранять порядок сотни студентов и рабочих, сумевших водворить без оружия самый примерный порядок в ночь на русскую пасху. Столкновения публики с полицией по поводу заседаний незаконных присутствий произошли

в двух-трех городах, но окончились довольно мирно, так как губернаторы там не выводили своим нахальством из терпения граждан, как делал Кайгородов. В демонстрациях принимал участие сам «народ», а отнюдь не одна лишь интеллигенция, которая, по нахальным уверениям русского правительства, одна будто бы только недовольна новыми порядками, тогда как низшие классы будто бы благодарны монарху. Изложенные нами события превосходно доказывают необходимость постоянной, самой упорной борьбы с самодержавием за политическую свободу, которую оно всячески старается уничтожить в свободной до сих пор Финляндии. Последние финляндские события призывают всех русских граждан к быстрому свержению позорного ига деспотизма, старающегося задушить проявление всякой свободной мысли и всякого свободного слова.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

ПЕРВОЕ МАЯ 1902 Г.

Первые шаги.

(Письмо рабочего о демонстрации в Баку.)

Мы, бакинские рабочие, чтобы не отстать от рабочих других городов, сообща решили сделать первый шаг к святому делу. Но в виду того, что наши товарищи еще не так сплочены, т. е. наша организация еще очень слаба, у нас возник вопрос: быть или не быть? Мнения рабочих были различны. Одни, напр., говорили: «Если будем праздновать открыто, то без арестов дело не обойдется, и наши лучшие силы пропадут; тогда наше движение приостановится. Не лучше ли нам продолжать попрежнему тайную пропаганду и агитацию, пока движение наше усилится и глубоко пустит корни? Тогда и мы, как наши братья других городов, смело выступим, открыто заявляя наши силы». Другие советовали собрать массу и пойти на поле праздновать тайно, чтобы не отстать от других городов. Но тут нам вспомнился ответ декабристов Пушкину: «Из искры возгорится пламя».... Но для того, чтобы возгорелось сильное пламя, нужно, чтобы наши искры разлетелись по всему городу, чтобы сразу вспыхнул большой огонь. Так как открытое празднование станет известно всему городу, то, без сомнения, наши искорки западут не только в души рабочих, но и в души всех граждан нашего города (как потом и оказалось). Тут мы решили: «быть». Стали не жалеть сил и времени, устраивать массовые собрания и вести пропаганду, говорить по поводу открытого празднования 1 мая. Решено и сделано! Но вот наступил назначенный день 21 апреля! Все с охотой явились на назначенное место. Каждый в отдельности поднимал голову и глазами чего-то искал вверх. А сердце так жмется от радости, что вот настанет минута, когда мы будем чувствовать себя героями святого дела, и мы сможем сказать, что это наш праздник, и что это знамя тоже наше. А вот и то, что так жадно искали наши глаза — это наши сигнальные шары! Каждый, кто только увидел шары, сейчас бежал к назначенному месту, а наш храбрый знаменосец был настолько разгорячен, кровь в нем так закипела, что он даже не вытерпел и минут на пять раньше, чем пустили третий шар, развернул знамя гордо и смело и произнес: «Товарищи! Сегодня великий праздник, в который мы выступаем против неправды, невежества и нищеты! Долой самодержавие! Да здравствует свобода!» Я должен заметить, что около знаменосца было всего человек 8—10, из которых трое разбрасывали маленькие прокламации, в которых были написаны требования: «Свобода, 8-часовой рабочий день» и т. п. Разбрасывая листки, все крикнули: «Ура!» На их крик раздался по всем улицам ответ: «Ура!» «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!». Со всех улиц громадной толпой пустились бежать к «парпету»,

где знамя гордо развевалось. Постовой городской, увидя это, до того испугался, что не знал что делать: отнять ли знамя или убежать, и как бешеный метался во все стороны и как раз попал в толпу демонстрантов. Когда он вырвался, он побежал без оглядки, желтый, как мертвец. Пристав же, который здесь стоял для охраны, помчался неизвестно куда. А демонстранты все прибавляются и прибавляются, а ура все усиливается и усиливается. С громким криком «ура» мы двигались вокруг парпета к назначенному месту; но как только хотели завернуть на Николаевскую улицу, мимо нас проехали: полицеймейстер, его помощник и пристав. Молча направились они туда же, куда и мы. Но мы начали им угрожать кулаками с криком: «Долой самодержавие, долой полицию, долой собак!» А толпа тысячная кричит «ура!» Это их задело, как видно, за живое, и они соскочили с извозчика и подошли к нам, бледные, как мертвецы, они тряслись, как в лихорадке. Пристав заговорил телячьим голосом: «Что вы хотите?» А полицеймейстер заревел, как бык: «Разойтись!» Но товарищи не пали духом и угрожали палками: «Долой самодержавие! Долой полицию!» А я подошел к знаменосцу и говорю: «Товарищи, бросьте собак и вернемся обратно». Так и было: «ура» усиливается все больше и больше. Появилась учащаяся молодежь, пожилые и дети с криками: «Ура! да здравствует свобода!» На крышах и балконах появились люди разных сословий, толстобрюхие и т. п. господа. Мы им угрожали кулаками и криками: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!» Но с балконов и крыш эти толстобрюхие сочувственно ответили: «Да здравствует, да здравствует!» Все проходящие с сияющими лицами кричали: «Молодцы, молодцы! Держитесь дружно! Не робейте!» и т. д.

Так мы дошли до того самого места, где начали, но тут опять те же собаки начали кричать: «Разойтись». Мы не противились и сейчас же направились по Татарской улице к гимназии; за нами бежала вся толпа с криками «ура», а знаменосец тут же сложил знамя и ушел домой. Были два маленьких флага: их нес какой-то мальчик 10-ти лет, и когда пристав подошел к нему и хотел отнять, он крикнул: «Долой собак, подлецов» и, спрятав в карман флаги, побежал. Я забыл заметить, что когда полицеймейстер спросил, что мы хотим, один рабочий подскочил к нему, развернул флаг и показал ему, что мы хотим. Всю дорогу держал он знамя, чтобы ветер не скручивал его, так что мы минут 20 ходили со знаменем, а на Гимназической мы стояли также минут 20 или больше (но без знамени) и кричали «ура». Хотели петь, но у нас уже сил не было. Один грузин начал танцевать, и все хлопало руками, а когда пристав прибежал, то его освистали и прогнали. Ни одной улицы не было, чтобы не была полна народу. На крышах и балконах кричали: «Долой самодержавие, да здравствует свобода!» и т. д. Ни один ребенок не остался дома. Все повыходили из домов. Народу было около 5.000, так что крики и мертвых могли бы поднять... Мне невольно вспомнилась французская революция...

Постояв около ½ часа близ гимназии, мы начали расходиться, довольные тем, что маленькая искра действительно разгорелась, и весь город закипел, зашумел...

Успели арестовать одного рабочего, но парень, как говорится, не промах: будучи уже в руках злодеев, сам себе дал свободу, т. е. поколотил двух городских, вырвался и удрал. Кроме этого, на месте демонстрации арестов не было. Потом мы опять все направились к парпету в качестве зрителей; и нашим глазам представилось небывалое зрелище: громадная толпа, солдаты, казаки, вся бакинская полиция, флотские солдаты, пожарная команда и много разных собак. Полицеймейстер, как бешеный, бежит то туда, то сюда, не зная что делать: разогнать ли толпу или самому уйти? А жандармский пес ныхал вфоду, авось найдется добыча, но не тут-то было. Брандмейстер командовал пожарными, а казаки уже по доброй воле просили публику: «Разойдитесь, пожалуйста». Раздвинулись не скоро. Теперь многие рабочие просят дать им таких людей, которые бы им разъяснили их положение. Многие с нетерпением ждут новой демонстрации, и слова нашего великого учителя Маркса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» запечатлелись в душах всех рабочих, так что теперь всякий говорит, что только «пер-

вый шаг» труден был, а теперь будем шагать прямо и смело! и везде, где мы только будем, там и забросим искру, а от искры возгорится пламя. Теперь я вижу, что невозможного нет. Когда мне кто-нибудь, бывало, скажет: «Что мы, маленькие люди, можем сделать?», я всегда отвечал, что из маленького зерна вырастает большое дерево. Теперь я вижу перед собой, что только недавно было заброшено маленькое зерно, а теперь у нас выросло могучее дерево; и вот уж даже некоторые пользуются готовыми плодами в виде удачных забастовок. Теперь только остается пожелать всем товарищам всей России, начиная с первого шага и на всю жизнь, выступать твердо и смело и показать всем врагам нашим, что нашу семью никто не может искоренить, а, наоборот, кто захочет искоренить нашу семью, тот останется в дураках, потому что—пролетарии всех стран соединились.

Харьков. Майская демонстрация у нас не осуществилась, что и можно было ожидать, так как массовые аресты в значительной степени подрывали силы партии. За последние 2—3 месяца было арестовано свыше 100 человек интеллигентов и рабочих. Тем не менее, день 1 мая ознаменовался волнениями на паровозостроительном заводе, хотя непродолжительными, но принявшими довольно обостренную форму. Дело обстоит так. Организованные рабочие выработали на предварительных собраниях два плана действий.

1) Собравшись утром у ворот завода, не пускать на работу.

2) Собравшись в верхней части снарядного цеха, господствующей над частью завода, объявить рабочим, чтобы они бросали работу, и запеть революционные песни.

Оба эти проекта, вследствие вышеуказанных причин, остались неосуществленными. В обычное время рабочие спокойно стали на работу, но уже около 9-ти часов в сборном цехе началось сильное брожение: со всех сторон слышались протесты, работа бросалась, раздалось пение «Дубинушки»... Человек 15—20 отправилось из сборного цеха в котельный, чтобы там поднять волнение. Первый из них, значительно опередивший своих товарищей, обратился к котельным рабочим с требованием бросить работу. Тогда мастер крикнул: «Бейте этого мерзавца!» Несколько заводских холопов бросились на него, но он был быстро освобожден подоспевшими товарищами. Мастер Булгаков, не пользующийся популярностью среди рабочих, в надежде прекратить беспорядок, обратился к ним с увещаниями и угрозами, но брошенной кем-то гайкой был довольно серьезно ранен в голову. Через несколько минут котельный цех уже не работал, а через полчаса была прекращена работа на всем заводе. Все рабочие вышли на заводской двор. Наряд полиции, пытавшийся водворить порядок, был быстро рассеян разбушевавшейся толпой. Вскоре на место действия прибыл отряд казаков; с большим трудом удалось ему пробиться во двор и оттеснить рабочих обратно в завод, но здесь казаков встретил такой град гаяк и заклепок, что они принуждены были отступить. Один казачий офицер и несколько казаков получили тяжелые ушибы. Работники опять заняли двор. Наконец, появился губернатор, светлейший князь Оболенский, прибывший всероссийскую известность варварской расправой с крестьянами Валковского уезда. Он произнес краткую, но вразумительную речь, в которой рабочим «ставил на вид», что во вверенном ему городе он не потерпит подобных бесчинств, что его трудно запугать, что в крайнем случае он соберет не только все харьковское войско, но призовет войска со всей России... В заключение он предложил рабочим изложить их требования. Но они на столь милостивое предложение ответили глубоким молчанием. Губернатор постоял, помолчал и уехал, а работники разбрелись по домам. После обеда многие из них, под прикрытием войск, расставленных вокруг завода, пошли опять на работу; так что к вечеру работало громадное большинство. Этим и закончились беспорядки. Говорят, что за заводом стоял отряд казаков с розгами. По «нонешним» временам этому не трудно поверить.

Ростов-на-Дону. 25 мая 1902 г.

Наше рабочее движение растет и ширится, несмотря на то, что в этом году кризис сильно задержал рост его.

6 мая прошлого года начали сокращать количество рабочих на местных заводах, и в первую голову, конечно, рассчитывались сознательные рабочие как неудобный элемент, от которого всегда стремятся избавиться хозяева и мастера. Благодаря кризису, Донской Комитет лишился 60—70 процентов организованных рабочих. На их места явились уже новые, хотя пока еще в меньшем количестве. Тем не менее движение по размерам превзошло прошлогоднее. Были устроены 2 демонстрации (19 февраля на Садовой улице и 30 марта в театре); попытка устроить демонстрацию 18 апреля окончилась неудачей.

Прокламаций распространялось огромное количество. За последнее время выпущено: 22 марта — о значении демонстрации (1.300 шт. печатных); 30 марта — 300 прокламаций и 600—700 билетиков с надписями: «Долой самодержавие!» «Да здравствует политическая свобода!» «Долой Обмановых»; 5 апреля — на смерть Сипягина (100 шт.; эти же прокламации раздавались по церквам в ночь под пасху); 9-го и 10-го распространялись майские брошюры и прокламации. Выпущено 1.000 брошюр (перепечатано с изменениями и дополнениями изд. «Южного Рабочего» 1901 г. о значении первого мая и отрывок из истории австрийского рабочего движения) и 2.500 прокламаций; 18 апреля распространены майские прокламации в новой редакции: 2.000 шт. и 700 плакатов с призывами к демонстрации; 26 апреля распространены прокламации Центрального Комитета—около 1.000 шт.; 3 мая 1.000 шт. прокламаций партии (изд. «Искры»). Кроме того, получено 1.000 «Сон под первое мая», но по конспиративным условиям не могли быть распространены. Запоздали и потому не были распространены майские прокламации изд. «Южного Рабочего» в количестве свыше 3.000 шт.; 9 мая распространено в обществе и к рабочим 2.000 прокламаций на смерть Балашева. Благодаря такому обилию прокламаций, настроение во всех слоях общества было тревожно-выжидательное. Этому также способствовали принятые полицией и жандармами меры. Аресты и обыски шли непрерывно; на заводах по ночам оставались специальные сторожа для ловли распространителей прокламаций. У заподозренных рабочих по ночам взламывали станки и ящики, разыскивая там прокламации. На вокзале ж. д. нескольких человек приезжающих и отъезжающих арестовывали, обыскивали, записывали адреса и отпускали с миром. Все посылки осматривались жандармами; многие вскрывались в тщетных поисках транспортов нелегальной литературы. Наряды полицейские были усилены, шпионов расплодилось, что навозных мух. 14 апреля на помощь местной казачьей сотне (173 ч.) прибыли казаки Новочеркасского гарнизона. Казаки эти в полном вооружении, с пиками, ружьями, саблями и нагайками. в течение трех дней разъезжали с песнями по городу, терроризируя этим население. Кроме конных, пешая казачья сотня и солдаты местной конвойной команды в течение нескольких дней стояли в казармах в полной боевой готовности. 18-го на демонстрацию явилось человек 500 рабочих; толпа собралась тысяч в 7—8, вся ростово-нахичеванская полиция и жандармерия была тут же в полном сборе. Но демонстрация не удалась, к величайшему изумлению всех собравшихся.

Трудно объяснить эту неудачу. Донской Комитет 22 апреля устроил специальную большую сходку рабочих для выяснения причин неудачи, но и она мало выяснила этот печальный случай. Дело в том, что по конспиративным соображениям очень ограниченное число лиц знало план демонстрации, что вызвало сильное замешательство, которое особенно усиливалось тем, что густая толпа гуляющих мешала свободному движению и в ней организованные рабочие с большим трудом находили друг друга. Первая группа демонстрантов очень хорошо начала, пропел куплет марсельезы и затем, по условию, рассеялась. Вторая же группа, долженствовавшая начать на другом конце улицы, по непонятной и невыясненной причине своевременно не начала и потом не могла начать, так как не успевало сойтись 15—20 рабочих. как среди них появлялось несколько полицейских, при которых начинать было невозможно. Наконец, уже в новом месте рабочие подняли знамя.

Но к нему моментально подбежал шпион и перервал его. В суматохе его приняли за «своего», расправляющего знамя. Шпион безнаказанно удрал, а остатки знамени были разодраны уже на руках у полиции. Случай этот произвел прямо-таки ошеломляющее впечатление. Итак, проявление политического недовольства у наших рабочих задушили, но надолго ли?

Пока что полиция неистовствует, охраняя гнилые основы самодержавия. 5 мая, например, у театра собралась публика устроить овацию отъезжающему гастролеру Баттистини. Полиция начала разгонять собравшихся и вызвала конных казаков. Казаки, между прочим, ни за что, ни про что, жестоко исколотили одного извозчика. Вокруг города до сих пор раз'езжают верховые, выискивая, не грозит ли что полицейскому произволу. Между прочим, полицией было запрещено устройство каруселей и балаганов за городом на так называемой «зеленой балке», что существовало издавна.

Прокламации Донского Комитета в этом году распространялись, помимо Ростова и Нахичевани, в Таганроге, Новочеркасске, заводе Пастухова при ст. Сулин, в Александровске-Грушевском и окружающих его шахтах, Новороссийске и Армавире. Везде прокламации вызывали, по большей части, восторженный прием. Шахтеры, среди которых прокламации появились впервые, собрали между собой несколько рублей на покупку «писем». В Сулине рабочие собирались группами, читали прокламации и кричали «ура». Обеспокоенный этим, директор завода собрал рабочих и произнес им приблизительно следующую речь: «Вот, господа, в последнее время вы ведете себя очень хорошо, и от этого чрезвычайно огорчается хозяин наш. То вы завод били, а теперь читаете эти подлые прокламации. От этого хозяин наш дошел до такого огорчения, что сказал: „Пускай они все передохнут—я закрою завод, раз они меня не ценят“. Вот видите, до чего вас доведут некоторые подлецы-подстрекатели. Давайте подписку, что больше у нас ни бунтов ни прокламаций не будет. Станем жить мирно и выгонять тех подлецов, которые мутят». В это время кто-то, должно быть из «подлецов», свистнул, и толпа перестала внимать словам директора. Начались крики, вспоминали разные несправедливости и браковку работы, из-за чего недавно бунт был. Дело чуть не закончилось новым битьем квартир администрации.

Итак, несмотря на неудачу 18 апреля, мы вступаем в новый год существования с глубокой верой в свои силы и в близкий конец ненавистного самодержавия.

[Локерман]

Крым. Из Ялты сообщают, что 1 мая там появились социал-демократические прокламации, обращенные к ялтинским рабочим. Прокламации эти в большом количестве были распространены по городу, рабочим слободкам и в окрестных царских имениях. Таким образом, если бы всероссийский недоросль Ника-Милушка находился теперь в Крыму, он мог бы с ужасом найти у себя во дворце свободное социал-демократическое слово. Местные обыватели говорят, что в Ялте социал-демократические прокламации появились впервые. Прокламации эти были составлены в высшей степени популярно и рассчитаны на распространение в массе. Характер они носили социалистический с резко выраженной политической окраской. Ялтинская полиция целый день рыскала по городу и слободкам, с трудом срывая крепко приклеенные прокламации. В течение нескольких дней улицы Ялты кишели полицейщиной. Квартирующий в Ливадии (имение царя) батальон был «наготове», в ночь, предшествовавшую 1 мая, по городу ходили солдатские патрули. Словом, царские холопы усердно старались подавить и запугать словно с неба упавшую «крамолу».

Прокламации произвели в Ялте громадный шум. В течение нескольких дней всюду только и слышны были разговоры на эту тему. Многочисленные ялтинские шпионы шныряли по базарам, трактирам и т. д., прислушивались к разговорам рабочих и арестовывали десятками тех, кто выражал сочувствие прокламациям. В течение нескольких дней было арестовано 60 рабочих, но в результате полиция осталась, конечно, с носом, и постепенно все рабочие были ею освобождены за полным отсутствием улик. Ведь нельзя

же даже в России запрещать уличные разговоры на тему, интересующую весь город.

Желая вызвать среди местного общества отрицательное отношение к прокламациям, ялтинские полицейские, шпионы и жандармы начали распускать по городу слух, будто прокламации призывали к грабежам, разгрому домов и магазинов и т. д. Эта гнусная выдумка подлых царских опричников имела небольшой успех среди некоторых слоев буржуазии, совершенно еще «невменяемых» в политическом отношении. Но, в общем, ялтинское общество, конечно, не поверило нелепой сказке полицейского участка. Впрочем, полицейский участок сам поспешил опровергнуть свою глупую выдумку, набросившись с обысками не на «грабителей», а на ялтинскую интеллигенцию.

Да, ялтинские холопы всероссийского хана! Вы лишней раз доказали воочию, что не мы, социал-демократы, борющиеся за свободу и счастье угнетенного человечества, а вы, царские коршуны, вы, царские башибузуки, занимаетесь ночными грабежами и разбоями. Это вы в течение двух недель держали Ялту в осаде, вы врывались по ночам в квартиры мирных ялтинских граждан, нарушая неприкосновенность семейного очага, залезая своими грязными продажными лапами в святая святых личной жизни человека, читая самые интимные письма, оскверняя самые дорогие сувениры. Вы — разбойники, вы — грабители, вы — святотатцы!

Полицейско-жандармская сволочь произвела в Ялте целый ряд обысков: у Алексина (врач), у Гондарева (студент), у Петрова (рабочий), у Ветютиневой (земская фельдшерница), у Алексеева (рабочий), у Бельцова (городской лаборант), у Рудина (художник), в городской лаборатории, в помещении малярной артели и на квартирах всех рабочих, имеющих отношение к этой артели. Обыск увенчался успехом только у одного лица — у Рудина. Но какой это был оригинальный успех! Царские холопы нашли дневник, в котором художник отметил, что видел царя Николая и что у царя очень глупая и пошлая морда... Этот дневник взят в жандармское управление, вероятно, для наглядного доказательства того, что даже художники стали на Руси неблагонамеренными!..

Об успехах прокламации среди рабочих не будем распространяться по причинам конспиративного свойства. Отметим лишь, что в некоторых мастерских 1 мая работы были брошены. Ялтинское общество, испытав на себе весь ужас того произвола, который господствует на Руси, справедливо негодует на безобразия царских башибузуков, нарушающих ночной покой граждан.

Что же, гг. ялтинцы, докажите свое негодование делом! Если вы не можете принять активного участия в революционной борьбе с гнусным царизмом, этим наследием золотой орды, оказывайте помощь посильную, давайте адреса для конспиративных целей, давайте для тех же целей квартиры, делайте пожертвования и сборы среди знакомых! Эти деньги пойдут на устройство тайных типографий, на издание свободного революционного слова, на улучшение революционных сношений между городами и на поддержку тех борцов, что выбыли из строя и томятся в царских тюрьмах.

Докажите свою политическую зрелость! Приобщитесь к великому делу свободы!

Шосткенский пороховой завод, Черниговской губернии.

Выпущены местной рабочей организацией 3 прокламации местного и общего характера. Начальство в смятении. На страстной вызван, помимо имеющегося там батальона солдат, еще батальон. Настроение рабочих возбужденное. Стреляли в заведомого негодяя — мастера Криворученко. Арестов не было. Открытый характер организованное движение приняло впервые. Всего в местечке жителей около 8.000 человек.

Двинск. 16 апреля вечером была демонстрация в Двинске. Началась от дома реального училища и двигалась беспрепятственно по направлению к синагоге. Полиция и войска были отвлечены на другую улицу. При-

нимало участие около 3.000 человек, среди них около 200—300 христиан (прошлый год около 2—3 десятков), главным образом железнодорожные рабочие. Шествие продолжалось около 8 мин. Было одно красное знамя с надписями: «Да здравствует демократическая конституция», «Долой самодержавие!», «Да здравствует 1 мая!» У синагоги толпу рассеяли. Скрывшиеся в синагогу были арестованы (около 30 чел.) вместе с находившимися там стариками. Всего арестовано около 100 человек. Широкая публика отнеслась сочувственно: выпущена прокламация на 3 языках (жаргоне, польском и русском).

Саратов. 5 мая у нас произошла демонстрация — явление, здесь до сих пор невиданное, породившее много разговоров, часто самых нелепых. У обывателя еще живо воспоминание о бывшем здесь в 91 году холерном бунте, и потому первое чувство, охватившее его, было — паника. Все-таки эту демонстрацию нельзя назвать неудачной. Демонстрантам удалось пройти с развернутыми знаменами довольно значительное пространство, и знамена развевались, по крайней мере, в течение 20 мин. За несколько дней до демонстрации были распространены майские листки Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии, а также социалистов-революционеров в большом количестве, а накануне — призывные с требованиями 8-часового рабочего дня, политической свободы и отмены постоянной армии, выпущенные сообщами местным соц.-дем. комитетом, объединенной группой соц.-дем. и соц.-револ. и соц.-демократическим ремесленным союзом, приглашающие на демонстрацию к 12 часам 5 мая на Соборную площадь. Накануне была выпущена местным «Комитетом сношений» прокламация по поводу казни Балмашева: «Казнь Балмашева». Полиция, конечно, знала о готовящейся демонстрации и приняла соответствующие меры: во дворах Соборной площади и Немецкой улицы была спрятана конная и пешая (большой частью переодетая — это факт, подтвержденный многими лицами) полиция, войска также были наготове. Но демонстранты очень ловко провели полицию. Вместо назначенной Соборной площади, они собрались на Верхнем базаре, где их никто не ожидал. Полиция здесь была, представлена лишь в лице одного околотовного и одного полицейского. Правда, кое-где виднелись подозрительные рожи шпионов. Около половины первого кучка демонстрантов незаметно сгруппировалась и выкинула два красных знамени, одно с надписью: «8-часовой рабочий день! Да здравствует социализм!» На другом знамени надписи не разобрала. Как только были выброшены знамена, кто-то крикнул: «Долой самодержавие!», раздался пронзительный свист (это шпионы перекликнулись между собою), крик: «бунт», торговки подхватили свои лотки и моментально разбежались в разные стороны. На минуту посреди почти опустевшего базара осталась небольшая (человек в 30) кучка демонстрантов. Но это продолжалось лишь несколько мгновений, скоро публика стала прибывать, и демонстранты, уже значительной толпой, двинулись, пересекши Московскую улицу, на Театральную площадь. Полиция была застигнута врасплох и не знала, что предпринять, единственный городской растерянно шел рядом с демонстрантами. На Театральной площади было выброшено черное знамя с надписью белыми буквами: «Балмашев казнен, вечная память герою! Долой палачей!» Демонстранты благополучно пересекли Театральную площадь, прошли по Александровской улице, и лишь когда завернули на Немецкую улицу по направлению к Соборной площади, на них бросилась из дворов переодетая полиция, солдаты, шпионы, а также добровольцы из обывателей. Произошла ужасная свалка. Впечатление получилось такое, будто происходит драка среди самой публики, так как полиция в «форме» действовала довольно корректно, избиванием же занималась, главным образом, переодетая полиция и шпионы. Арестовывали по указанию шпионов лиц, им раньше известных «своим неблагонадежным поведением», а также всякого, возмущавшегося этим безобразным избиванием. При этом арестовано несколько обывателей. Из демонстрантов сильно избито душ 7, некоторые из них с сильными повреждениями. Полиции тоже порядочно досталось. Кучку демонстрантов, человек 50, оцепили и заперли во дворе. Когда на Театральной площади уже не

было никого из демонстрантов, туда прибыли войска и грозно выстроились по обе стороны площади. Прибыли войска и на Немецкую улицу; сюда же явились полицейский и губернатор. Часа в три арестованных перевели в часть на Ильинскую улицу, а ночью в тюрьму. Публика во множестве, но молча провожала демонстрантов. Кое-где приветливо махали платками и раздавалось слабое «ура». Чаще всего на улицах замечалось любопытство и недоумение. 6-го утром число арестованных равнялось приблизительно 68 человек. 2-х или 3-х выпустили на другой день.

Жандармы особенно доискивались знаменосцев, но, очевидно, на этот счет у них нет никаких сведений, так как они чуть ли не каждому арестованному предъявляют подобное обвинение, даже случайно попавшим, не принимавшим участия в демонстрации. Несмотря на свои небольшие размеры (благодаря приглашению на Соборную площадь, не все демонстранты попали на Верхний базар), демонстрация произвела большое впечатление и встряхнула обывателей. (Мне передавали за факт, что немного спустя после того, как прошла первая группа демонстрантов, на Московской улице появилась другая группа демонстрантов с красным знаменем, состоявшая, главным образом, из рабочих, завернула на Николаевскую улицу и направилась к Соборной площади, где и была задержана полицией.) Разговоров масса, обыватели в полном недоумении. «Бунт», — чаще всего приходится слышать. Ходят также нелепые слухи о разграбленных лотках, разбитых магазинах, о намерении студентов убить министров, царя и вернуть крепостное право. Полиция, конечно, поощряет их.

Дворникам отдано строгое приказание следить за неблагонадежными лицами, узнавать фамилии посещающих их лиц и обо всем подозрительном доносить полиции. Им внушают, что это для них «царская служба» и что их будут приводить даже к присяге.

Пермь. 25 апреля по заводам Перми, Мотовилихинском, Озеском и др. появились майские прокламации. 27-го были сделаны обыски в Мотовилихе, при чем арестовано 11 человек, из которых 5 уже выпущено. При обысках руководствовались указаниями управляющего, инженера и местного пристава. Настроение в Мотовилихе было настолько бодро, что после арестов через 2—3 дня снова появились листки, призывающие товарищей к поддержке семей арестованных. Во время арестов рабочие пытались даже отбить одного товарища из рук полиции. Рабочие высмеивали полицию, гукая при появлении конных и пеших полицейских, называя их фараонами и т. п. Большинство рабочих все же работало в этот день. В железнодорожных мастерских арестовано 2, из которых один уже выпущен.

Положение арестованных политических в Перми далеко незавидное (их теперь сидит до 25, — вместе с майскими арестованными, которых после допросов выпускают). Жандармское управление вмешивается в те области тюремной жизни, которые вовсе не подлежат его ведению. Происходит от этого недоразумения, с одной стороны, между заключенными и тюремным начальством, с другой — между жандармским управлением и тюремной администрацией. Начальник тюрьмы уже второй при политических. На окна заключенных заказаны щиты (за счет жандармского управления) с отверстием в небо и землю; пища ухудшена... режим настолько тяжел, что все заключенные решили открыть голодовку с 5 мая...

12 марта взяты помощн. прис. пов. Трапезников (второй раз), зубн. врач Эмдин. В Мотовилихе перед 1 мая взяты рабочие Чернов, Авдеев, Аристов, Новиков, Коншин и др., служащий Канторович. В настоящее время в тюрьме сидит до 20 человек.

В Новозыбкове, Черниговской губ. местной соц.-демократической группой были распространены перед 1 мая воззвания, вызвавшие чрезвычайный переполох среди полиции и обывателей.

По имеющимся у нас сведениям, усиленная майская агитация велась еще в Екатеринославе (была неудачная попытка демонстрации), Одессе, Николаеве, Кременчуге, Твери и других местах.

Томск (1 мая).

18 апреля прошло в Томске довольно спокойно, хотя полиция ждала демонстрации и приняла меры. Дело ограничилось тем, что на Почтамтской (одной из главных улиц города) были выброшены 2 красных знамени (один с надписью: «Долой самодержавие»), на других улицах еще 2, да везде были расклеены прокламации. Обыватели усердно ходили по Почтамтской, но ничего не дождались. Говорят, что томский архиерей Макарий оказался невольным пособником преступления: в раздаваемые на ведущихся под его руководством духовно-нравственные чтения-книжки каким-то чудом попали первомайские прокламации.

Красноярск, Енисейск. губ. 9 мая.

«Хочу поделиться с вами своими майскими впечатлениями. В Сибири 1 мая, по крайней мере, насколько известно мне, прошло довольно спокойно. Кое-где, впрочем, благодаря „распорядительности“ администрации получались довольно занимательные картинки. Так, например, в нашем Красноярске. Перед 18 апреля (1 мая) в последние 3 или 4 дня почти каждую ночь по городу и в железнодорожных мастерских появлялись прокламации, разъясняющие значение рабочего праздника. 17 апреля, как говорят, к утру улицы города были красными от прокламаций (прокламации эти были на красной бумаге). Их таскали ребята, торговки, извозчики. Передают, что только полицией было собрано в это утро 3.000 листов. Листки эти были небольшие четырехугольники, на которых были означены лишь первомайские требования. Но кроме того, были и большие красные, изящной формы, вроде афиш, которые продают обыкновенно в театре. Полиция, разумеется, была в большой тревоге. За последнее время она здесь вообще очень обеспокоена и то и дело производит набеги. О них стоит сказать пару слов. 18-го появились прокламации Сибирского Союза, и вот вдруг полиция (уездная) понеслась отыскивать типографию — куда бы вы думали?! — на „Столбы“. Это большие скалы в 12 верстах от города, в довольно глухом лесу — место прогулок любителей природы. И в результате: привели 4-х арестованных — каких-то любителей „столбистов“, воспользовавшихся пасхой и забравшихся туда в избушку (там есть такая). Привели их под конвоем, посадили, продержали день и выпустили. Теперь говорят, что „Столбы“ взяты под надзор, ибо там на одном из неприступнейших мест — в прошлом году еще — какой-то любитель начертил масляной краской саженными буквами ужасное слово „Свобода“.

«Затем был арестован, как говорят, по доносу, приказчик купца Гадалова. Недавно выпущен на поруки. Затем обыскали несколько лиц самого различного общественного положения. Был обыскан соборный дьякон за то, что нашел несколько прокламаций и с перепугу без объяснений передал их постовому городовому, который принял их и донес на дьякона, как на распространителя. Далее. (Чем дальше в лес, тем больше дров!) Был обыскан один полицейский чиновник и, наконец, был заподозрен и допрашиваем один молодой недавно поступивший железнодорожный жандарм!.. После всего этого полицеймейстер наш бросился в округ — уехал в Канск искать там Комитет. Кстати о Канске. Там недавно умер один высланный студент. Колония ссыльных торжественно хоронила его. Был веноч с „преступными“ надписями и красными лентами. В результате всю колонию арестовали. Теперь уже все выпущены, но дело, кажется, не кончено. Вероятно, всех их разошлют по разным селам.

«В апреле сюда прибыл транспорт студентов. Для встречи их собралась многотысячная толпа рабочих и интеллигентов и устроила целое триумфальное шествие от вокзала до острога, куда направляли бывших студентов.

«По дороге были выкинута красные флаги с надписями: „Долой самодержавие“, и пелись революционные песни.

«Другая картина при прибытии следующих партий. За полчаса до прихода поезда прибыли две роты казаков; с прибытием поезда они окружили вагон со студентами, за-

рядив предварительно на глазах публики свои револьверы. Публика держалась на почтительном расстоянии.

«Теперь о самом 18 апреля в нашем Красноярске. День был теплый, ясный. По главной улице с самого утра потянулась разнокалиберная (преимущественно либеральная) публика. Все, буквально все говорили об одном: о предстоящей демонстрации или о „бунте рабочих“. Я сам слышал, как кучка чиновников рассуждала, сможет ли здешний батальон отразить рабочих, и решили, что едва ли, если все рабочие выйдут на улицу. По улицам то и дело скакали кучкой казаки в полном вооружении с винтовками за плечами (винтовки были вынуты из чехлов — это боевая форма). Рота солдат была под ружьем. Солдатам было выдано по 10 боевых патронов. Скакали пристава то верхами, то на извозчиках. Расхаживали и выглядывали жандармы. Ходили солдатские патрули. Перед тем среди здешнего военного начальства произвела переполох прокламация к солдатам, которая в массе была распространена по всем ротам. По этому случаю было экстренное собрание офицеров, а потом — 17-го — губернского управления. Командир был возмущен тем фактом, что почти все солдаты прочли листок, и из всех рот нашелся лишь один, сообщивший и принесший начальству несколько экземпляров листов (и то вольноопределяющийся). О впечатлении, произведенном листками на солдат, передают так: „Все прочли, все интересуются, некоторые жалеют, что мало понятно. Многие решают, что если заставить стрелять в рабочих, то „прицел, ребята, ставь выше“... Иные желают еще листов, только не белых, а красных, — те приметнее, а на белые не смотришь и проходишь мимо и т. п.

«Так целый день 18 апреля по главной улице ходила публика в «усиленном составе» и ждала демонстрации, развлекаясь мерами казаков и полиции. Впрочем, более чистая и корректная часть общества предпочитала сидеть дома. Так один мировой судья, говорят, спрашивал своего письмоводителя: „Скажите, пожалуйста, как там на улице — ничего не видно? Мне ведь ехать надо, дело есть. Не знаю, ехать ли уж?“ Кажется, не осталось ни одного уличного мальчишки, ни одной кухарки, которые не говорили бы о „бунте рабочих“. Один из „политиков“ был свидетелем такого диалога двух горничных: „Неужели так таки ничего и не будет?“ — говорит одна. — „Видно не будет, — отвечает другая, — главный сицилист уже прошел — я его знаю!“. На следующие дни мальчишки на улицах перебрасывались „преступными“ восклицаниями, взятыми из прокламаций.

«Часам к 4-м 18-го на улице показалось несколько десятков рабочих, провожаемых жадными взорами публики и свирепыми взглядами полиции... И так шло до глубокой ночи. Вечером 2 театра и цирк были наполнены полицией и возле них стояли казаки. Это потому, что раза два в театре были распространены прокламации — правда понемногу (в христову заутреню листки были распространяемы в Кафедральном соборе). На вокзале, говорят, была также сильная охрана, ибо там собралось очень много рабочих. Но все прошло тихо, мирно, без нарушения общественного порядка и спокойствия, к страшному разочарованию разлакомившихся от любопытства либералов. Да и странно было бы ждать. Правда, агитация была очень оживленная (10 листов до мая от Комитета и один союзный, но ведь до сих пор здесь всегда была „тишь да гладь, да божья благодать“ *). Кроме того, как я слышала, масса рабочих на пасху была в отъезде. Говорят, больше половины. Но агитация, несомненно, оказала большое влияние и на рабочих и на город.

«После 18 апреля вышло еще три листка. Один о прошедшем дне 18 апреля с призывом к организации, другой — о двух предателях рабочих, опять с призывом к организации, и третий, всего три дня назад, — за № 13 — по поводу казни Балашева (вышел от 5 мая); и этот опять — так с призывом к организации. — Не даром про Красноярск говорят, что его затопили прокламациями!..»

* Если не считать майской забастовки в железнодорожных мастерских в 1900 году и нынешних проводов рабочими от вокзала до тюрьмы этапам с «политическими».

Иркутск. Пролетарский праздник в далекой Сибири⁶.

1 мая, вопреки всеобщему ожиданию, прошло тихо. А между тем, по всему городу ходили слухи о предстоящих ужасах. Куда бы вы ни зашли, только и разговору было, что о них. Уверяли, что город будет подожжен со всех сторон, что произойдет избиение евреев и т. д.

Напуганные всеми этими страхами, обыватели нашей сибирской столицы повывехали с семьями на дачи, хотя у нас далеко еще до дачного сезона. Гимназическое начальство предложило родителям в этот день не посылать детей в гимназию. Но в особенности много тревог пережило еврейское общество.

Все эти страхи вызваны распространенными в городе прокламациями трех групп: соц.-демократов, соц.-революционеров и экономистов крайнего направления (вернее было бы сказать—анархистов. Ред.). Нужно сказать, что все эти прокламации пишутся так, как будто они имеют в виду интеллигентного европейского или, по крайней мере, петербургского рабочего. Среди иркутских же жителей таковых, конечно, мало, почему воззвания не могли быть правильно поняты массой.

Больше всего толков, хотя и крайне для нее нелестных, вызвала прокламация экономистов. Она убеждала массу не верить революционной интеллигенции, которая стремится к тому же, чтобы на трупах рабочих достигая собственного благополучия. Такова истинная цель всех ее «якобы» народолюбивых воззваний. Еврейская интеллигенция, стесняемая русским правительством в своих вождельствах, имеет в особенности основания прикидываться социалистической.

Это зубатовщина чистой воды, и можно только удивляться, что наш губернатор не приказал перепечатать ее в губернских ведомостях, чем несомненно как раз попал бы в тон нового министра внутренних дел.

Справедливость требует, однако, сказать, что авторы этой прокламации люди вполне честные и добронамеренные, но, право, лучше иметь дело с умным врагом, чем с глупым союзником, если только можно этих «экономистов» считать союзниками. Они страдают отсутствием понимания действительности и отчаянным утопизмом. При этих дефектах их услуги рабочим могут быть только медвежьими. Их, например, выходки против евреев были истолкованы в смысле призыва к избиению этих несчастных людей. А один торговец из этой же прокламации сделал совершенно логическое заключение, что необходимо избивать не только «жидов», но и «студентов», которых в настоящее время в Иркутске не мало.

Как бы то ни было, тревога охватила весь наш город. До-нельзя струсившая администрация своими мерами только подлила масло в огонь. К полицейским участкам были прикомандированы отряды солдат; двери колоколен были заколочены, чтобы не допустить набатной тревоги; батальону розданы боевые патроны, у юнкеров местного училища, подозреваемых в неблагонадежности, отобраны тесаки, якобы для точения; в ночь с 30 апреля на 1 мая по городу разъезжали конные патрули и пр.

День 1 мая, между тем, прошел совершенно спокойно—не потому, конечно, что испугались всех этих мер пресечения, а потому, что никто у нас и не собирался ни «поджигать город», ни «убивать евреев». Рабочие железнодорожного депо еще за несколько дней заявили своему начальству, что 1 мая работать не будут. Благоразумное начальство ответило, что ничего против этого не имеет. Рабочие отправились на Кою (за город) и, в виду сильного отряда полицейских, провели там время в песнях.

Как видите, и у нас в Сибири зашевелился рабочий. В добрый час!

Забайкалье. (1 мая.)

Волна рабочего движения перекинулась вместе с железной дорогой через Урал и разлилась по необъятной Сибири. Первый вал этой волны, еще слабый, уже начинает пугать наших правителей. Слишком уже необычная это вещь: вдали от культурных центров, в глуши Сибири, в горах Забайкалья слышится революционная песня, печатаются и распространяются прокламации, шевелится рабочий, привыкший в спокойной, ничем невозмутимой жизни обыватель,

начальство, кучка жандармов, присланных к нам для порядка, — все это в страхе великом по поводу самого незначительного факта.

Я опишу вам, как губернатор Надаров сделал революцию. На пасхе среди рабочих железнодорожных мастерских на ст. Чита (около 800 чел.) были распространены прокламации, приглашающие к празднованию 1 мая. Прокламации не были никем подписаны, на рабочих произвели слабое впечатление, но в высших сферах вызвали тревогу и опасения.

Надаров распорядился приготовить... пушки. Но пасха прошла, рабочие принялись за работу, и страх глупого правительства улегся.

В ночь на 24 апреля были расклеены по городу и на вокзале и разбросаны по мастерским прокламации от местного комитета Сибирск. Соц.-Дем. Союза, рисующие общее положение рабочего в России и приглашающие рабочих к организации. Прокламации произвели сильное впечатление на рабочих, но всего сильнее действовали они на губернатора Надарова и обывателей. В городе, на рынке, в правительственных учреждениях только и разговоров, что о прокламациях. Власти стали серьезно готовиться к подавлению бунта. 30 апреля появилась новая прокламация от Сибирск. Соц.-Дем. Союза — первомайская (заподзала), которая в конце убедила начальство, что готов «бунт». Страх об'ял рабочих и трусливых людей: с вокзала некоторые переехали в город, отправили туда своих детей и просили защиты у генерала. Особенно дрожал от страха начальник мастерских Макулевич, недавно укравший 1200 руб. и сознавшийся в этом, теперь исполняющий роль добровольного шпиона. И вот представьте себе картину: Надаров отдает приказ по войскам: выдать двум сотням казаков по 5-ти боевых патронов и отточить шашки. Приготовить пушки, вооружить две роты пехотинцев и... никакой пощады! 1 мая утром погода была отвратительная и рабочие сами не захотели праздновать этот день. Но войска все же были высланы. По улицам города разъезжали вооруженные патрули, вызывая самые невероятные толки и слухи в обывательской среде. Человек 150 рабочих устроили все же маевку, отправились с красным флагом в лес с пением. За ними были наряжены войска, которые напрасно ожидали бунта: никакого бунта не было. В результате получилось следующее: рабочие страшно заинтересовались теперь вниманием к ним начальства. Г. Надаров сослужил очень хорошую службу делу революции. Он вызвал у рабочих озлобление — вполне понятное и законное. Всех возмущает это негодяйство: приказ стрелять при первой возможности. Негодуют, но больше смеются. Больше глупости проявить нельзя было!.. Смеются обыватели, смеется чиновник, смеется солдат. Такими выходками генерал Надаров создает очень хорошую почву для рабочего движения, и нам, революционерам, приходится сказать ему спасибо.

Среди солдат распространена была «Солдатская памятка» Л. Н. Толстого. Солдаты резюмировали впечатление таким образом: получили мы от графа Толстого письмо, и граф нам не велел убивать рабочих, что они такие же, как и мы, люди, и что в Евангелии запрещено убивать.

Офицеры получили «Офицерскую памятку» Л. Н. Толстого с воззванием местного комитета Сибирск. Соц.-Дем. Союза.

Теперь только и разговоров об этом. Характерная вещь: за несколько времени Надаров ассигновал (правительство очень охотно дает такие ассигновки) порядочную сумму на усиление тайной полиции; наняты шпионы, усилен штат городских.

Полиция усердствует и, конечно, не по разуму, подражая в этом генералу Надарову. За первую прокламацию полиция платила 10 руб. за экземпляр.

Полициейстер с важным и таинственным видом говорил: «Никак, знаете, нельзя без войска: готовится грандиозный бунт: хотят поджечь город... вероятно будут жертвы с той и другой стороны...» Во всем этом очень много смешного, но рабочие из этого должны почерпнуть поучительное указание на то, что самый мирный даже путь проявления их чувств и желаний наталкивается на кулак наших правителей и угнетателей, на штык, пулю и тюрьму.

Социалист [Ярославский]

Москва. Промышленный кризис продолжает расти и охватывает все новые и новые сферы производства.

В настоящий момент в Московском районе особенно резко он сказывается на ткацком, механическом и цементном производствах. На ткацких фабриках, однако, до самого последнего времени дело не доходило до резкого сокращения производства. Фабриканты делали целый ряд попыток к понижению расценок, что вызвало отпор со стороны рабочих в форме забастовок: таких забастовок за минувшую зиму было много как в Москве, так и в уездах, особенно в Серпуховском уезде (фабрики Коншина, Рябова, Когейковой). Забастовки эти только, кажется, на одной Даниловской фабрике приняли широкие размеры и сопровождалась агрессивными действиями рабочих. В большинстве случаев они ограничивались приостановкой работ на день, на два и кончались большими или меньшими уступками со стороны фабрикантов. В некоторых случаях, как например, на фабрике Когейковой, требования рабочих были удовлетворены до начала заявленной забастовки. После пасхи владельцы ткацких фабрик стали сокращать производство и уменьшать число рабочих: так, на Прохоровской фабрике число рабочих сокращено на 900. Реутовская мануфактура уменьшила рабочих на 1.200. Некоторые небольшие фабрики до сих пор не возобновили работ после праздничной остановки, ссылаясь, между прочим, как мы слышали, на высокие требования, которые стали предъявлять ткачи при найме. Дело в том, что на окраинах Москвы есть много мелких ткацких фабрик, которые совмещают в себе форменные фабрики с раздаточными конторами; часть материалов они раздают рабочим на дома. Так вот эти домашние ткачи минувшим постом решили произвести реформу в строе взаимных отношений между фабрикантами и рабочими и вытекающих из них условиях найма и работы. Сравнивая условия работы и расценки их домашних ткачей, с таковыми же рабочих в корпусах, они пришли к заключению, что благодаря исстари установившемуся порядку и форме расценок, фабриканты много им не доплачивают; так, работа ткача на современных крупных фабриках давно уже дифференцировалась, и ряд мелких манипуляций (напр., присучка и др.) оплачивается отдельно, тогда как они получают за всю работу без добавочной платы за отдельные, оплачиваемые на современных фабриках манипуляции. В общем они выработали, кажется, 12 пунктов требований к фабрикантам, вычислили общую сумму недоплат со стороны фабрикантов за 10 лет и предложили возместить ее. За отказом фабрикантов удовлетворить это требование, они предъявили иски судебным порядком через присяжных поверенных. Все дела эти были в суде проиграны. Они предварительно были рассмотрены в особом совещании мировых судей, к которым они поступили. Среди требований, предъявляемых ткачами к хозяевам, попадаются и курьезные: напр., довольно крупные суммы сравнительно вычислены за уничтожение клопов: на крупных фабриках уничтожение клопов в спальнях рабочих производится систематически за счет хозяина, и расход на это дело доходил иногда до 400 руб. в год. Домашние ткачи решили, что если борьба с клопом лежит на обязанности фабриканта в спальнях рабочих, то она должна лежать на обязанности хозяев и в их квартирах. Кроме предъявления указанных требований, ткачи выработали форму условий найма и решили эти условия предъявить при возобновлении наймов, что обычно происходит после пасхи. Сколько нам известно, на многих фабриках пришлось поступиться ткачам некоторыми пунктами, так как благодаря кризису угрозы фабрикантов прекратить производство во многих случаях легко могли осуществиться. В цементном производстве кризис был вызван чрезвычайным размножением заводов: за последние три года число их в России почти удвоилось, между тем как спрос на цемент увеличился в гораздо меньшей степени. Получилось перепроизводство и резкое понижение дивидендов, обычно очень высоких в этом деле. В Московском районе после рождества почти все заводы прекратили производство.

Один из самых крупных заводов — Подольский завод Московского акционерного общества — рассчитал все 2.000 рабочих, стоял в течение почти 4-х месяцев и только в мае, т. е. к началу строительного сезона, снова возобновил работы.

Большинство механических заводов тесно связано с ткацкими фабриками, так как главным их продуктом являются ткацкие станки, поэтому кризис в ткацком производстве не мог не отразиться на механических заводах. Закрития, хотя бы временного, механических заводов не было за последний год, но сокращение производства наблюдается на всех заводах.

Зубатов и комп. продолжают свою политику по отношению к рабочим, хотя в более скрытной форме. Знаменитые курсы прекратились; недавно, как мы слышали, было административное совещание по поводу организации рабочих, на котором большинство высказалось за прекращение дальнейших действий и прикрытие организации, но князь Ходынский и Трепов остались при особом мнении.

Тверь. На Залогинской ткацкой фабрике, находящейся в 2 верстах от Твери, порядки ужасные, даже сравнительно с другими тверскими фабриками. Глухое недовольство там всегда на-лицо, но оно редко выливается наружу. Причиной тому — крайне низкий уровень залогинских рабочих, среди которых совершенно отсутствует всякая организация.

В конце февраля этого года было там небольшое столкновение с фабричной администрацией из-за вычетов за простой машин, остановившихся по вине фабрики. Оно окончилось в пользу рабочих. Затем все затихло вплоть до 4 апреля. Накануне этого дня залогинцы, выйдя вечером из фабрики, порешили забастовать, выставив целый ряд требований: повышение расценок, уменьшение штрафов, увольнение директоров, лучшее обращение мастеров с рабочими, введение возильщиков основ (до тех пор их приходилось относить самим рабочим без различия пола и возраста, хотя весят они от 2—5 пудов) и некоторые другие. Утром рабочие вышли к фабрике, но работать не пошли. Дали знать властям, и прямо с панихиды по Сипягине им пришлось ехать на усмирение бунтовщиков. Первым приехал младший фабричный инспектор Хмелев и направились прямо в директорский дом. Рабочие держались спокойно и пытались добиться того, чтобы Хмелев выслушал их требования. Но ни от него, ни от приехавшего вслед за ним губернатора, прокурора, жандармского генерала — они ничего не добились. Настроение их начало повышаться, раздались голоса: «А, так вы к хозяину чай пить приехали, а нас и слушать не хотите!» — и, наконец, со стихийной силой вспыхнуло годами накопившееся раздражение: рабочие бросились ломать дома, машины в мастерских, фабричную пекарню, избивать мастеров, полицейских. Директор едва спасся, спрятавшись в погребе, а исправник, сунувшийся «усмирять», был сбит ударом кирпичом. Осажденное в директорском доме начальство сидело ни живо, ни мертво целых полтора часа. Наконец, на выручку ему явилось христолобное воинство. Немногих, защищавшихся поленьями и кирпичами, рабочих схватили, большинство бежало, и «бунт» был усмирен. По делу этому арестовано около 35 человек (точная цифра еще неизвестна). Кое-кого прокурорский надзор, за недостаточностью улик, освободил; дело же остальных передано судебному следователю. Итак, в перспективе новая судебная комедия...

Фабрику на праздник остановили, а остальных рабочих под конвоем вызванных из волостей понятых разослали по деревням. Этой мерой начальство хотело уберечь рабочих Тверских фабрик от заразы дурного примера, но... в ночь с 8-го на 9-е и с 9-го на 10 апреля в рабочих слободах и на дворе Морозовской фабрики были разбросаны и расклеены гектографированные прокламации, подчеркивающие антагонизм интересов рабочих и царского правительства, так ярко проявившийся в поведении властей во время беспорядков, указывающие на причину неудачи залогинцев и призывающие рабочих к организованной борьбе за лучшее будущее. Прокламации эти вышли за подписью «Тверской Группы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии». Ими Группа впервые открыто заявляет о своем существовании*. Они произвели на рабочих сильное впечатление. Некоторые провисели до

* Осенью ею были распространены на Морозовской мануфактуре листки, но без подписи.

8—9 часов утра, и вокруг них кучками собирались, читали и говорили. Сами рабочие передают: «Теперь везде идут разговоры об организации». Часть прокламаций, разбросанная в одной из слободок, на следующее утро оказалась расклеенной неизвестными добровольцами на столбах и заборах. Видели прокламации и в деревне, где они читались рабочими, пришедшими на праздник, своим односельчанам.

Неменьшую сенсацию прокламации произвели и в полицейско-жандармском мире. Забегали сыщики и жандармы, заволновался тверской герой, полицмейстер Киреевский, но, несмотря на страстное желание изловить и пресечь крамолу в самом начале, данных для такого подвига оказалось так мало, что не было даже обысков.

Циркулируют прокламации и среди тверских обывателей. Любопытно, что некоторые экземпляры попали к ним от лиц, прямая обязанность которых совершенно противоположного характера.

Еще о беспорядках на Воткинском зав., Вятский губ.

Прежде чем передавать подробности, скажем несколько слов о самом заводе. Воткинский завод принадлежит казне, занимается изготовлением паровозов, судов, сельско-хозяйственных машин, готовит сталь. Ежегодное производство этих предметов миллиона на 2 рубля. По количеству населения — это третий пункт в губернии после Ижевского завода и Вятки, в нем 25 тысяч с лишком жителей, — он представляет одну волость и 4 сельских общества; в нем 3.267 дворов. Землепашеством никто не занимается, так как земли мастеровым при освобождении их нарезано всего 836 десятин с усадьбой, следовательно, на каждый двор не приходится и $\frac{1}{4}$ десятины.

Волнения в заводе начались давно, устраивались сходки в мастерских, знали это и цеховые мастера. Возбудили движение: Зосман — интеллигентный рабочий, бывший за границей и работавший раньше на юге, и два студента, личность которых не установлена. Помогал им один из местных рабочих, которого товарищи прозвали «студентом». Недовольство начальством было возбуждено: 1) грубым, дерзким обращением с рабочими, доходящим до сбивания шапки с головы рабочего палкой и т. п., 2) слухами о мошенничествах начальства, весьма крупных, сходящих ему с рук, тогда как рабочих сажали в тюрьму по одному подозрению, что кем-нибудь из них украдена полоса железа; 3) самовольным закрытием начальством завода, Трояном, тракта, издавна существовавшего и ведущего на заводскую базарную площадь; 4) уменьшением заработной платы до таких размеров, что существование рабочих не было обеспечено даже насущным хлебом 5) увеличением рабочих часов при той же плате.

Полиция доказывала Трояну, что рабочие «не спокойны», но он в твердой уверенности, что один его взгляд может заставить рабочего уйти на три аршина в землю, не придавая значения донесениям полиции.

В день «бунта», в 7 часов утра, рабочие по звонку толпой повалили к квартире управляющего Трояна и требовали, чтобы он вышел для объяснения с ними. Троян со сна, не одевшись, вышел и грозно крикнул на толпу. Рабочие, раздраженные окриком, схватили Трояна и повели его на площадь, там поставили его на табуретку и послали за земским начальником, чтобы он рассудил их с Трояном. Земский начальник Кудрявцев со страху спрятался, и его не нашли. Тогда роль судьи на себя принял Зосман. И на площади начался суд. Толпа отворила ворота на тракт, повалила телефоны, но «царское» имущество не тронула; не оборвала телеграфа, а к казначейству и складам приставила 300 человек рабочих, заявив Трояну, что это сделано для того, чтобы господа, разворовав сами деньги и имущество, не свалили на народ. Над стоявшим на табуретке Трояном толпа (мальчишки) издевалась, бросала в него грязью и снегом, тыкала в лицо хлеб из гнилой муки, купленной им, Трояном, для продажи заводскому населению, и кто-то подшиб табурет, отчего Троян ушибся. Но в общем рабочие были не пьяны и по-своему корректны. Вышел священник с крестом из собора увещивать толпу, но встречен был возгласами: «Айда, уходи, бачка! не твоё это

дело — и не суйся. Ты сам пяташник и обираешь нас!» Доктор Спасский выскочил на площадь и прикрикнул на толпу. Его повалили и избили. На его просьбу отпустить его обмыть окровавленное лицо, рабочие обмазали его навозом, говоря: «Ты этим же нас лечил».

Пока шел суд над Трояном, часть толпы побежала за лесничим Салаиным, и, найдя его спрятавшимся под кроватью, вытащила за ногу; его избили, выбили зубы, сломали ребра и выволокли на площадь, где поставили рядом с Трояном и Спасским под красным флагом. Искали еще, чтобы избить, лесничего Алябина, полицию, инженера Гуллета и Диомидовского, но не нашли их. Избили заводского мастера Мокина. Зосман допрашивал Трояна по пунктам, при чем рабочие требовали, чтобы Троян «хорошему человеку» отвечал стоя. Так они продержали их здесь до ночи. От Трояна отобрали подписку, что он соглашается на требования рабочих, и разошлись; при чем Зосман предупредил, что если его арестуют, то пусть рабочие его вызволят.

Ночью из Сарапула приехали власти, прокурор и исправник, и приказали становому немедленно арестовать Зосмана. Утром толпа отправилась к становому, требуя отпустить Зосмана, при чем разгромили квартиры чинов полиции. Становой сослался на распоряжение прокурора и исправника об аресте. Толпа бросилась в номера и приступила к властям с требованием выпустить Зосмана, произвела у них обыск и кое-что разгромила. Власти испугались и убежали сперва за 12 верст, а потом и за 20, в деревню Перевозную, и оттуда «наблюдали» за событиями. Потом все утихло. Вызваны были войска из Перми, приехал губернатор (из Вятки), жандармы, и тогда же прибыли из своей «штаб-квартиры» власти. На допросе Зосман держал себя героем, отрицал виновность толпы, говоря, что она была лишь его слепым орудием.

Пока шла разборка, Троян, желая повернуть дело выгодным образом для себя, отрицал необходимость вмешательства власти и войска, утверждая, несмотря на очевидные издевательства и оскорбления толпы по отношению к нему, — что это дело домашнее, заводское и что они сами между собою могут покончить его к общему благополучию.

Теперь есть известия, что в заводе идет экзекуция: рабочих секут и т. д. Сделалось известным, что 9 человек выслано из губернии, 40 арестовано и 50 было наказано розгами, в том числе первым наказан Зосман.

ИЗ ПАРТИИ

На народном собрании в Аугсбурге, состоявшемся 28 июня, т. Клара Цеткин, неоднократно тратившая свой ораторский талант на дело ознакомления немецких рабочих с нашим движением, прочла реферат, после которого собрание (было свыше 2.000 лиц) приняло резолюцию протеста против «бесстыдного варварства» царского правительства. «Собрание приветствует, — говорится в резолюции, — самоотверженных борцов за политическую свободу в царстве кнута, которые жертвуют своей личной свободой и жизнью для общего блага, и посылает им уверение в самой горячей симпатии со стороны сознательного германского пролетариата. В то же время собрание выражает надежду, что русская революционная „интеллигенция“ в своем стремлении к политической свободе примкнет самым тесным образом к русскому социал-демократическому рабочему движению, ибо только оно является надежным ручательством предстоящего раньше или позже крушения азиатского деспотизма в России».

Нас просят поместить следующее сообщение:

С. Галлен, 3 мая.

Дорогие товарищи!

На майском собрании рабочих в С. Галлене (Швейцария) по предложению Вашего соотечественника, студента коммерческой академии, Г. Перситца, была принята следующая резолюция:

«Собравшиеся 1 мая рабочие С. Галлена протестуют против русского абсолютизма, варварски попирающего чувства своего народа, и, выражая полную симпатию учащейся молодежи и сознательным рабочим, борющимся за свободу, надеются, что в следующий майский день красное знамя будет свободно развеиваться и в России».

Посылая Вам эту резолюцию, мы просим Вас сообщить ее Вашим борющимся товарищам.

С товарищеским приветом

Президент Арнольд Тейхер.

Секретарь А. Шу.

Московский Комитет просит напечатать, что им постановлено отчислять в кассу «Искры» 20 проц. со всех доходов. Моск. Ком. собрано в пользу «Искры» — 20 руб. от Суржанова, 25 руб. от слабой женщины, 10 руб. через рабочего от лавочника.

НЕКРОЛОГ.

Нам пишут: В Якутске застрелился шлиссельбуржец Янович. Привлеченный по делу «Пролетариата», Янович 11 лет просидел в Шлиссельбурге, после чего был сослан на поселение в Колымск. В Якутск он приехал из Колымска по делу Ергина. Янович оставил несколько писем — к товарищам, к одному своему товарищу — поляку и в полицию. В письмах к товарищам он говорит, что 18 лет тюрьмы и ссылки изморили его душу и что ему хочется уже отдохнуть, а отдых он может найти лишь в могиле. Письмо к товарищам заканчивается трогательным пожеланием, чтобы скорее наступило время, когда над Зимним дворцом взойдет красное знамя. В письме в полицию Янович просит никого не винить в своей смерти и говорит, что «в сущности моим убийцей является русское правительство». Нечего говорить, что смерть эта произвела на всех товарищей страшное впечатление. Это был человек высокой душевной красоты, который пользовался всеобщей любовью. Грустно и обидно, когда уходят такие люди...

3 мая казнен в Шлиссельбурге Степан Балмашев, а 27-го в Вильне — Гирш Леккерт. Оба умерли героями.

За недостатком места отлагаем хронику революционной борьбы до следующего номера.

На-днях выходит в свет № 4 «Зари».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

В виду обысков, имевших место в последнее время в Германии, и в виду других конспиративных соображений некоторые наши (т. е. «Искры») представители в немецких городах вынуждены ограничиться при отчетах в на-

шей газете только иниц., о чем представители просят нас заявить.

Получено: от Г. С. Д. 190.86 мар., из Х. через Г. С. Д. 170 мар., от Ш. (Мюнхен) 40 мар., получено из Берна через Рудникова 230 фр., в том числе от А. В. С. 51 фр. и через Б. на «Искру» 10 фр.

Из Льежа: 1) от нового товарища 21 фр. 10 с., 2) еще от велосипедиста 9 фр., 3) на издание Туна 10 фр. 4) литер. и сборы 44 фр. 35 с.

От группы сочувствующих «Искре» в городе Х. 150 фр., из них 100 фр. от «судьбы».

Отчет Б-ской группы за апрель—май: непосредственно Лигой за литературу получено—от Бунда 10.85 м., на библиотеку частному лицу 15.25 м., от продажи по мелочам В. 20 м.; за литературу из кружков в Б... — 124.50, в фр. 50, через частных лиц — 25.90; пожертвование от Фанни из Л. — 70 м., от Ф. — 16.50 м., от Р. 6 м., от Л. — 20 м.

Помещаем также отчет этой группы за январь, который был нами своевременно получен, но не напечатан по ошибке.

За литературу из Бе... 137.80 м., за покупку литер из Тверск. губ. через Л. — 30 м., на докупку библи. из Сибири 19.30 м., на покупку библи. от вятичей—108 м., от К. из Н.—106.82 м., из кассы Бе... кружка — 234.09 м.

Через «75 м.» — 50 франков.

От Ф. 3 фунта, из Лондона за литературу 2 фунта, от С. Ф. 50 крон, от М. П. 50 крон, от консула в Винтертуре 8 фр. 33 с., из А. 168 руб., из Перми 25 р., из Тамбова 25 р., из Н. Н. 55 р., от московского лавочника 10 р., от подписчика, письмо которого не могли разобрать, 3 р.

«Из Петербурга через тжа» 30 рубл. «От друзей из северного захолустья» 40 р. От Спб. Комитета за литер. 175 р., от подписчицы 5 р., через Рош. 15 р., от Архаровца 37 р., от читательницы из Х. 15 р.

4 MN. Корр. получены, дайте адрес для писем и явки.

Материалы «Рабочей Мысли», присланные Пет. Комитетом, получены слишком поздно и будут использованы в ближайших №№. За недостатком места отлагаем также корреспонденции из Перми, Новозыбкова, Витебска, Харькова, Томска и др.

Настоятельно просим всех пользующихся для сношений с нами (и пересылки денег) адресом Дитца отмечать на внутреннем конверте, что письмо (корр. или деньги) предназначено для ред. «Зари». В противном случае материалы и письма могут не попасть к нам.

Вышли из печати: «Песни борьбы» (с нотами), «Русский рабочий в революционном движении» Г. Плеханова (издания «Искры»).

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn P. Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Герцен, Александр Иван. (1812—1870) — русский писатель-публицист и политический деятель. В молодости увлекался утопическим социализмом. Эмигрировал за границу, где издавал журналы: «Полярная Звезда» и (позднее) «Колокол». Г. был провозвестником мелкобуржуазного социализма с его верой в общину, с его скептическим отношением к «гнилому» Западу.

Прим. 2. Спиноза, Барух (1632—1677) — знаменитый философ, живший и умерший в Голландии.

Прим. 3. Лессинг (1728 — 1781) — знаменитый немецкий писатель и литературный критик.

Прим. 4. Лассаль, Фердинанд (1825—1864) — социалист и вождь германского рабочего движения в начале 60-х годов XIX в. Еще совсем молодым человеком, во второй половине 40-х годов прошлого столетия, он стал склоняться к социализму. На-ряду с этим он увлекся философией Гегеля, которая привлекла его к себе своей революционной диалектикой. Под влиянием

той философии, он, еще студентом, начал свою философскую работу, посвященную отцу диалектики — греческому философу Гераклиту Темному. Во время революции 1848 г. Лассаль принял в ней энергичное участие. К этому же времени относится его знакомство с Марксом и Энгельсом, с которыми он состоял в оживленной переписке. После 1849 г. Л. отдался науке и написал сочинение «Система приобретения прав», в котором доказывает право революции творить новую жизнь и создавать новые законы. К политической борьбе он вернулся лишь в начале 60-х годов, когда написал замечательную брошюру «Сущность конституции», в которой доказывал, что народное право опирается не на бумажные конституции, а на действительную силу. В 1863 г. он основал Всеобщий Немецкий Рабочий Союз, председателем которого он был избран. Лозунгом этого союза Л. выдвигал всеобщее избирательное право и государственный кредит для производительных товариществ, путем устройства которых рабочие только и могут, по мнению Л., избавиться от капиталистической эксплуатации. Впоследствии (в 1875 г.) члены этого союза, объединившись с руководимыми Бебелем и К. Либкнехтом марксистами-эйзенахцами, образовали Германскую Соц.-Дем. Партию.

В своем стремлении добиться всеобщего избирательного права Лассаль не останавливался и перед такими шагами, как заигрывание с Бисмарком, главой реакционного прусского правительства.

Прим. 5. Леккерт, Гирш, бундовец, неудачно покушался 5-го мая 1901 года на убийство виленского губернатора фон-Валя, приказавшего высечь арестованных демонстрантов (см. № 21 «Искры», стр. 110, корреспонденция из Вильны). За это покушение он был казнен.

Прим. 6. По словам т. Крамольникова, знающего иркутских работников этого периода (май 1902 г.), эта корреспонденция могла быть написана или А. А. Богословским или В. Мандельбергом (бывшим на II съезде Р. С.-Д. Р. П. под кличкой «Посадовский»).